

ДЖИН ПАЙВА

PP
HORROR

Фактор

ЛИЛИТ

Джин Пайва
Фактор Лилит

ООО «ГЕРМЕС БУКС»

1989

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)

Пайва Д.

Фактор Лилит / Д. Пайва — ООО «ГЕРМЕС БУКС», 1989

ISBN 978-5-9524-6716-3

Не все мы дети Евы – уверяет автор увлекательного романа ужасов. Представьте, у Адама была жена до Евы. Ее звали Лилит, и она олицетворяла собой всеохватное зло. Эти древние силы властвуют над героями книги. Лилит жива в Элизе, любящей жене, пытающейся освободиться от своего устрашающего наследия; в ее сестре-близнеце Талии, алчущей власти, жаждущей подчинить сильных мира сего при помощи своей сатанинской чувственности; в Бри, самоотверженной целительнице, стремящейся обратить древние силы зла во благо человека; в Майкле, обреченном на безнадежную борьбу за трон царства тьмы. Лилит жива – а многим суждено погибнуть...

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-9524-6716-3

© Пайва Д., 1989

© ООО «ГЕРМЕС БУКС», 1989

Содержание

Пролог	6
Книга первая	11
Глава 1	12
Глава 2	17
Глава 3	23
Глава 4	32
Глава 5	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Джон Пайва

Фактор Лилит

Copyright © 1989 by Jean Paiva

© Перевод, ООО «Гермес Букс», 2026 ООО «Гермес Букс», 2026

ЛИЛИТ ЖИВА в Элизе, любящей жене, пытающейся освободиться от своего устрашающего наследия.

ЛИЛИТ ЖИВА в Талии, алчущей власти, порабощающей сильных мира сего при помощи своей сатанической чувственности.

ЛИЛИТ ЖИВА в Бри, самоотверженной целительнице, стремящейся обратить древние силы зла на благо человека.

ЛИЛИТ ЖИВА в Майкле, обреченном на безнадежную борьбу за трон царства тьмы.

ЛИЛИТ ЖИВА,

и многим суждено погибнуть...

Не все мы дети Евы...

Пролог

По утрам туман поднимался над землей длинными белесыми завитками, словно дым от костров, рассеянных между холмами. В такие дни девочки играли волшебными палочками, вырезанными мамой из веток гикори; на каждой из палочек во всю длину было аккуратно выведено имя владелицы. Порой они были волшебными королевами, превращавшими лягушек в принцев. А порой – принцев в лягушек. По мановению волшебных палочек на холмах зажигались воображаемые костры – те самые, от которых тянулись к небу струйки тумана. Огонь занимался всегда на приличном расстоянии от волшебниц – но в указанном ими направлении – и оставался не замеченным другими людьми.

Это утро было самым обычным. Матовый белый туман отрывался лоскутами от плотного покрывала, лежавшего на земле между горами Кентукки, стерегущими покой тихой долины. Высоко, так высоко, что не докричишься, стоял грубо срубленный дом. Дым лениво поднимался из единственной каменной трубы, кружась и смешиваясь с мягким туманом долины. В единственной комнате домика пара высоких, почти до потолка перегородок отделяла спальни. Огонь в очаге, взметающийся языками каждый раз, когда получал добавку поленьев, горел круглый год ради стряпни, мытья, тепла. По правде говоря, хоть он и дымил немного, это не было дорогой платой за тепло.

Около печки стояла высокая женщина. Ей было двадцать пять лет, но суровое лицо и серые, бесцветные волосы надежно скрывали связь между ее возрастом и течением времени. В большой корзине – почти такой же большой, как железная печка, – хранился запас свежих щепок для растопки, смешанных с ветками гикори. Потянувшись за очередным поленом к корзине, женщина помедлила, вспоминая наставления своей бабушки: «Если брать понемножку, эти ветки гикори – в самый раз; но никогда, никогда не пускай в ход ничего другого».

Только однажды она ослушалась. После летней бури повалился старый вяз, расколотый молнией. На третий же день после того, как она начала топить печку обломками вяза, в доме появилось что-то странное, чужое, и больше всего это сказалось на девочках-близнецах.

Одна, вечно позолоченная солнцем, таким горячим в горах, что на нем можно осмолить ошипанную птицу, вдруг стала рассеянной, бледной, равнодушной. Все время молча сидела у окна, словно дремала. Вторая – глубину ее спокойных темных глаз подчеркивала бледная, цвета слоновой кости, кожа – оставила свое сокровище, книжки, которые предпочитала всему на свете, и схватилась полоть сорняки в маленьком огороде с таким горячным пылом, что угасли всякие надежды на урожай. Почти безотчетно рука матери нырнула в корзину, щепотка гикори полетела в печку – и вместе с ласковым дымком жизнь вернулась к золотой девочке и мир – к ее сестре. С тех пор корзина для растопки была всегда наполнена щепками и ветками гикори.

Девочки, набегавшиеся с раннего утра, изрядно проголодавшиеся, направились к дому. После недолгой остановки у водяной колонки количество рыжей грязи на их руках и одежде значительно уменьшилось и щеки разрумянились от ледяной воды.

– Дети, пора к столу, так что приведите себя в порядок. Я не успеваю выметать песок, который вы притаскиваете домой, – донесся из открытого окна звонкий голос матери.

Повернувшись к печке спиной, мать смотрела на две почти неотличимые головки, на две пары ясных ореховых глаз, таких же, как у нее. «Очень похожи, как и следовало ожидать, – сказала она про себя. – Издалека не различишь. У одной солнце позолотило и личико, и волосы, даже глаза кажутся почти золотыми. А второй словно коснулся лишь лунный свет, это он оставил зеленоватые блики, играющие на доньшке глаз».

Лицо ее омрачилось. «Я люблю их, – пробормотала она. – Знаю, что люблю, но почему-то этого не чувствую». Она вспомнила, как их дали ей на руки, еще мокрых после появления

на свет, сморщенных, как сушеные сливы, как жадные голодные ротик сразу же начали искать источник молока. Какое потрясение, какую жгучую любовь она испытала тогда. Потом она вспомнила комнату, в которой родила, себя, умиротворенную, отогнавшую обвиняющую тень Ветряной Мельницы.

Она все еще помнила лицо мужа, потемневшее, исказившееся при взгляде на девочек.

– Они не мои! – прогремел он, горечь и незаслуженная обида звучали в его голосе.

Без единого взгляда, в той же рубашке, в какой был, он ушел. Что он подумал, что увидел на личиках новорожденных – эту тайну он унес с собой. Как в свое время ее отец.

Она слышала, что у него теперь новая семья, они живут где-то к западу от хребта, но новости сюда приходили нечасто. Такие известия, как война во Вьетнаме и первые шаги человека на Луне, попросту не достигали долины в горах Кентукки.

Взрыв энергии, внесший девочек в комнату и подтолкнувший к самому столу, улегся. Они чинно ожидали разрешения сесть за стол и зашебетать снова. Дождавшись кивка матери, девочки одновременно скользнули на скамейки. Они не только движутся, они живут, как одно существо, отметила про себя мать в сотый или тысячный раз. Научившись ползать, они постоянно держались рядом, чтобы можно было достать рукой сестру. Когда научились говорить, почти ни с кем больше не говорили – только между собой. Временами в их жизни не было места даже ей, их матери.

Погрузившись в свои мысли, она пропускала мимо ушей болтовню девочек, но тарелки наполнились своевременно.

– Я не могу дотянуться до них, но бабушка всегда говорила, что мне кой-чего недостает, – прошептала мать, вспоминая собственное детство и укоризненные слова бабушки, слова, повторенные бесчисленное количество раз: «Этот ребенок все пропускает мимо ушей».

Бабушка пересказывала ей то, что слышала от своей матери. Их семья – особенная, и всегда такой была. И сама она, хоть и «пропускала все мимо ушей», хорошо понимала природу, умела растить и лечить. Но ее девочки обладали чем-то еще, каким-то особым даром. Она взглянула на свою тарелку – еда осталась нетронутой, а девочки уже прикончили свои порции.

– Можно нам потом спуститься к амбару Сила? – Голос одной из дочек ворвался в воспоминания.

Не успев сообразить, которая задала вопрос, мать автоматически ответила:

– Нет, вы знаете, что Силу не нравится, когда вы болтаетесь поблизости.

– Но, ма... – На этот раз она поняла, что говорит Элиза, и взглянула на девочку, в волосах которой запуталось солнце. – Мы не будем подходить к его дому. Мы хотим в пещеру на краю его поля.

– Пещеру? – Мать посмотрела на дочек, тревожная тень опустилась на ее морщинистое лицо. – Я не желаю, чтобы вы забирались в какие-то пещеры. Не хотела бы я узнать, что вас поглотила земля и я больше никогда вас не увижу.

– На самом деле это совсем не пещера, ма. Там нет хода вглубь. Это просто камень, под которым можно сидеть. Мы возьмем с собой деток.

Мать улыбнулась. Детками назывались фигурки из лозы, которые научил их плести отец Кэффри. Священник не одобрял, чтобы девочки водились с чужими. Им никто не нужен, сказал он, как ей самой должно быть известно лучше всех; а если она этого еще не поняла, то поймет со временем. Мать до сих пор не совсем понимала, что имел в виду отец Кэффри, но верила ему на слово.

Когда ее мать умерла родами, священник взял девочку к себе и воспитал, как собственную дочь, хотя у него даже жены не было, чтобы разделить с ним хлопоты и заботы. Бабушка, уже тогда – дряхлая старуха, мало участвовала в ее воспитании, если не считать неизменных еженедельных визитов и нудных наставлений при каждой встрече: как растить травы и как

топить печку ветками гикори; как правильно держать иголку и как следить за луной. Нотации были скучными и бесконечными.

Так было, пока она не выросла и не вышла замуж. А когда она принесла своих дочек к постели бабушки, так близко подошедшей к концу своего жизненного пути, что уже и могила для нее была приготовлена, – вот тогда она увидела искорку искреннего интереса в глазах прикованной к постели старухи. Эти затуманенные, затянутые молочной пленкой глаза широко открылись и прояснились; пятнистые руки-клешнии потянулись к пухлым тельцам. Напряжение оказалось непосильным, и старуха откинулась на подушки, выдохнув последние слова.

– Вот уж не думала, что доживу, – с трудом шептала она, и мучительный кашель сотрясал ее хрупкое тело. – Вспомни, чему я учила тебя. Поддерживай огонь, – закончила она почти угрожающим тоном и в последний раз закрыла глаза.

Священник был рядом и видел, как жизнь снова вспыхнула в хрупкой, умирающей старухе, и слышал ее последние слова. Он повернулся к своей воспитаннице – снова одинокой теперь, когда ушел муж, – и крепко обнял вместе с близнецами. Он всегда будет заботиться о ней, пообещал отец Кэффри... и так оно и было.

В последний год, когда девочки выросли и начали бродить по окрестностям, он выставлял караулом кого-нибудь из старших у начала тропинки, ведущей к их дому, – проследить, чтобы они не забирались далеко, и, если потребуется, завернуть случайного прохожего. Девочки сами приносили из лавки кое-какие товары, главным образом соль и муку для хлеба. В остальном их кормила земля.

Элиза захныкала:

– Пожалуйста, ма, я буду хорошенько смотреть по сторонам!

Это заверение кое-что меняло.

– Можете отправляться, но только никаких пещер, и держитесь подальше от усадьбы Сила. Он говорит, что, когда вы болтаетесь рядом, у его коров скисает молоко.

Лицо Элизы осветила улыбка, и в темных глазах Талии зажглись огоньки. Аккуратно сложив тарелки в деревянную мойку, они выскочили из комнаты, на ходу подхватив плетеную корзинку.

На этот раз они двинулись по горной тропе, крутой и заросшей, не той, на которой бегали с утра, – это было нечто вроде испытания перед вступлением в запретную область.

Девочки брели молча, прислушиваясь к ласкающим лесным звукам: приглушенному топоту мелких зверюшек, щебету и трелям птиц, стуку капель росы, падающих на подстилку из листьев, и неумолчному шепоту горного ветерка в кронах деревьев.

– Если пойдем напрямик, быстрее доберемся до пещеры, – напомнила сестре Талия.

– Нельзя. Придется идти мимо амбара Сила, а мы обещали этого не делать, – с отвращением напомнила Элиза.

– Обещала ты, а не я, – коварно заметила Талия.

– Пожалуйста, Талия, давай без фокусов. Старый Сил Коди встанет на уши, если застукнет нас на своем поле, и нажалуется ма, а она отцу Кэффри, и кончится тем, что мы будем сидеть дома взаперти, как раньше.

При этом напоминании Талия споткнулась.

– Ладно. Пойдем длинной дорогой. Но только потому, что слушать твое нытье еще противней, чем плестись полдня.

Сойдя с дороги, девочки торопливо зашагали через густой лес, потом деревья поредели, и они еще больше заторопились, когда стали видны горы. «Пещера» была примерно на полпути к вершине горы, так что идти оставалось еще полчаса. Наконец девочки добрались до заветного места, проскользнули в широкое отверстие под нависшим валуном и ловко уселись, по-индейски поджав ноги, на кусок запачканного покрывала.

Вокруг царил покой. Даже громкие птичьи трели не доносились в их укрытие в недрах горы. Девочки занялись изящными куколками, одетыми в разноцветные наряды из лент и кусочков материи. Это были их дети, их единственные друзья, их семья. И, как и все маленькие девочки на свете, они придумали прошлое и будущее для каждого члена кукольной семьи. Их коллекция начиналась довольно скромно, с мамы и двух дочек. Потом семья разрослась – кукол стало пять, потом – десять. Время от времени, нечасто и незаметно для матери, состав семьи сокращался, что отмечалось маленькой могилкой с крестиком из сломанных веток. Но вскоре новая кукла заменяла усопшую – круговерть жизни и смерти, ведомая только сестрам.

Углубившись в плетение сказок, Элиза и Талия не заметили тихих шагов и нерешительного царапанья маленьких лапок у входа в пещеру.

Талия, более внимательная, почувствовала прищельца и повернулась к входу, прищурив глаза при резком переходе от тени к свету.

– Тут кто-то есть, – сказала она, и резкая нотка проскользнула в ее голосе. Она встала и внимательно прислушалась. – Раньше здесь никого не было, – произнесла она. – Никого с тех пор, как мы нашли енотов.

Элиза, сидевшая на скрещенных ногах, подняла голову при упоминании о енотах. Она содрогнулась всем телом, когда вспомнила судьбу звериной семьи.

Талия, маленькой ладошкой прикрывая глаза от света, бдительно выискивала источник подозрительного шума.

– Там, снаружи, кто-то прячется! Я никому, никому, никогда не позволю приходить сюда! Это мое... наше место!

В зарослях чей-то преступный хвостик задел ветку.

– Вон там! – указала Талия.

Элиза встала и двинулась к сестре, в круг солнечного света. Ее глаза смотрели туда, куда нацелился палец Талии, на едва заметное пятнышко на фоне зарослей – свернувшуюся клубком, притаившуюся маленькую собачку.

– Это щенок из выводка суки Сила. Он бродил около нашего дома, и я накормила его обедками. Ма говорила – нельзя прикармливать чужих собак, и я все отнесла ему в лес, чтобы не приходил к дому.

– Дура, – прошипела сестра. – Из-за тебя эта скотина приплелась сюда за нами. Я же говорила, мы не можем позволить, чтобы кто-то знал наше тайное место.

– Почему? Это ты говоришь, что никто не должен приходить сюда. Просто ты так решила. Ну а теперь у меня есть собака, потому что она ходит за мной. А раз это моя собака, она тоже может приходить сюда. – Элиза пыталась сохранять твердость, но на глаза у нее навернулись слезы, и голос предательски дрогнул. – Я хочу иметь собаку. Пожалуйста...

Словно чувствуя, что находится в центре внимания, черно-белая гончая выбралась из зарослей и игриво подбежала к девочкам – прямиком к той, которую считала своей хозяйкой. Второе человеческое существо не было включено в игру.

Элиза потянулась обнять собаку, но рука сестры остановила ее порыв.

– Мы не можем иметь собаку, – настойчиво произнесла Талия.

– Но она моя!

– Нет. У тебя не может быть ничего такого, чего нет у меня. Так надо.

Талия резко выбросила вперед руки, ее маленькие ладошки сжали голову испуганно взвизгнувшего щенка. Ореховые глаза с зелеными бликами встретились с собачьими, печальными карими, и повизгивание превратилось в мучительный вой. Этот полный ужаса вой продолжался ужасно долго, но Элиза, оцепеневшая, застывшая на месте, не могла шевельнуться, двинуться к сестре или страдающему зверьку. Наконец она заставила себя шагнуть – и натолкнулась на взгляд сестры, на секунду отвернувшейся от скулящей собачки. Угроза в ее зеленых глазах была такой недвусмысленной, что Элиза снова замерла.

Жалобный вой оборвался и перешел в хрип, карие глаза затуманились, словно изнутри наполнились паром. Внезапно от шерстки зверька потянуло жаром, запах горелого мяса повалил из пасти, дрожащие лапки подогнулись. Последний звук, родившийся в собачьем горле, смыло волной темной, кипящей крови, хлынувшей из пасти. Последняя судорога пробежала по тельцу, и животное вытянулось.

Элиза прикрыла глаза и отшатнулась, с трудом удержавшись на ногах. Приступ ярости победил дурноту, и она крикнула сестре:

– Ты снова за свое! Каждый раз, когда у меня что-нибудь появляется, ты избавляешься от него! Мне нельзя ничего иметь – ты все хочешь себе!

– Я все хочу – нам, – спокойно возразила Талия, от ее дыхания повеяло запахом умирающих цветов. – Не тебе. Не мне. Нам!.. Вместе мы можем сделать все, иметь все, стать кем угодно!

Талия быстро отвернулась и сгребла куколок из лозы в плетеную корзину.

– Мы обещали быть дома к полудню, уже пора. Пошли. – Не глядя на сестру, она двинулась к лесу, домой.

Элиза несмело шагнула вперед и посмотрела на дымящееся тельце щенка, лежавшего возле ее ног. Нагнувшись, она протянула руки к теплой шубке, прикрыла глаза и попробовала представить себе, что щенок все еще полон жизни и веселья, готовности к игре. Слезинка поползла по ее щеке, но она не обращала внимания на мокрую полосу, протянувшуюся от глаза до подбородка, и не отнимала ладошек от спинки щенка. Шубка и тельце начали холодеть под ее руками.

Она стояла, не в силах оторваться от существа, которое любило ее, и только ее. Талия позвала ее, чаща леса приглушала звонкий, ломкий голосок, требовавший, чтобы сестра шла за ней, чтобы не сидела в пещере одна. Но Элиза еще немного помедлила. Пока не смогла дышать нормально.

Книга первая

Глава 1

Захлопнув тонкую папку с документами – трое смотревших на него мужчин вздрогнули от этого резкого движения, – Фрэнк Джордан оттолкнул свое тяжелое кресло от стола. Пронзительный скрип паркета отразился от стен, до половины отделанных деревянными панелями. Вставая, Джордан в упор посмотрел на троих мужчин, сидевших перед ним с одинаково мрачными физиономиями, и двинулся в обход стола. Поравнявшись с последним креслом, Джордан кивнул пятому участнику встречи, повернулся и снова промерил шагами комнату; тишина становилась все более плотной, осязаемой. Почувствовав, что добился должного внимания, что три пары глаз сосредоточены целиком на нем, что упорство оппонентов ослаблено и их солидарность превратилась в отчужденную растерянность, он остановился и посмотрел на них в упор.

На полированной крышке длинного добротного орехового стола, окруженного четырнадцатью стульями, лежали пять выразительно закрытых папок: на этом совещании не собирались сверять рабочие записи. Маленькие медные лампы перед каждым стулом включались и выключались простым прикосновением пальца к подставке. Четыре лампы горели; Фрэнк Джордан, администратор проекта, продолжал пристально рассматривать сидевших напротив него троих ученых.

Он повторил фразу, практически подводившую итог этой встрече:

– «Спираль» не может иметь к этому отношение. С самого начала было известно, что любые достижения и находки, любые – за рамками нашей исходной задачи – будут включены в какой-либо другой известный проект.

– Но, Фрэнк, – произнес один из троих мужчин в белых халатах, еще больше раздражая администратора проекта своей фамильярностью, – это грандиозный прорыв! Эпохальная находка! Наше открытие тянет на Нобелевскую!

Джад Такер, короткая вспышка которого ясно отразила суть спора, откинулся на спинку стула. Он был признанным оратором в своей группе; морщинистое лицо Джада не отражало его настоящий возраст – он едва перевалил за сорок. Глубокие складки на лбу были клеймом профессионального исследователя, как и усталые глаза, натруженные над объективом электронного микроскопа. Старший среди троих, он легко выдвинулся на роль рупора общественного мнения благодаря способности к исключительно удачным обобщениям. Его коллеги часто предполагали вслух – правда, вне пределов его слышимости, – что порывы красноречия Джада вовсе не ограничиваются наличием или отсутствием аудитории. Тем не менее никому из них не удалось застичь доктора Такера ораторствующим перед зеркалом в мужском туалете. Хотя пытались. И едва не преуспели.

Рассеянный свет из-за стенных перегородок ложился равномерными полосами по всему залу заседаний, образуя перемежающиеся участки света и тени. Это помещение научный персонал видел редко, а в проводящихся здесь совещаниях не участвовал никогда. Ученым были отведены меньшие и более строгие кабинеты – в тех случаях, если им приходилось в самом деле созвать совещание. Значительно чаще они встречались запросто, в кафетерии или гостиной. То, что их маленькой компании предоставили эту легендарную комнату, оборудованную супераппаратурой безопасности, заставило нервничать всех, кроме Билла Блейзера, самого молодого из ученых – или, как их здесь официально именовали, сотрудников исследования.

Джад Такер прижимал к груди тонкую папку – двойник тех, что были разложены на столе перед участниками совещания. Он так яростно стиснул свой экземпляр, словно его могли вырвать у него из рук и отобрать навсегда, – эта невольная пантомима полностью отражала его метафизическое восприятие ситуации.

Во главе стола, на председательском месте, перед незажженной лампой расположился мужчина, лицо которого наполовину скрывалось в тени. Высокий, морщинистый, он сидел, скрестив ноги, оттолкнув стул назад; одну ладонь он положил на лоб, словно защищая глаза от тусклого света. Председатель проекта редко посещал сотрудников в обычные рабочие часы, и его поздние появления тоже вошли в легенду, как и эта комната.

Фрэнк Джордан, тоже высокий, хотя скорее жилистый, чем мускулистый, больше почувствовал, чем увидел адресованный ему кивок председателя. Джордан, в безупречном сером шелковом костюме от Армани – выбранном, вероятно, чтобы подчеркнуть холодную сталь взгляда, продолжал говорить с троими учеными, сидевшими за столом напротив него.

– Я прекрасно понимаю ваше желание сделать это открытие достоянием общественности. Вы совершили рывок. Во-первых, вы открыли новый генетический фактор, составили модель цепочки и разработали синтезируемую вакцину для предположительного – я говорю, предположительного, а не возможного – предупреждения генетического заболевания; этого более чем достаточно, чтобы мир, и не только ученый, проторил путь к вашим дверям. Если удастся связать установленный генетический фактор с приобретенным иммунодефицитом, вызванным генетическими отклонениями, этот бич человечества, вы сделаете еще более мощный и многообещающий рывок. Лечение... нет, исцеление самого известного смертоносного вируса, известного человечеству, сулит не то что Нобелевку – причисление к лику святых.

Джэд Такер, несколько умиротворенный этим признанием и неожиданной поддержкой со стороны человека, которого считал своим главным противником, спокойно произнес, словно подводя итог:

– Словом, мы приступаем к публикации...

– Нет, – твердо произнес Фрэнк Джордан.

Опираясь ладонями на стол, он подался вперед, пристально заглянув в глаза всем троим по очереди.

Трое исследователей остолбенели. Эд Хоторн и Билл Блейзер с надеждой смотрели на Такера. Равные в своих лабораториях, они образовывали удивительно продуктивный симбиоз, но Джэд Такер в этой троице считался самым глубокомысленным.

– Подписанные нами обязательства – для чего они предназначались на самом деле? – спросил Такер, адресуясь на этот раз с вопросом к мужчине, сидевшему обособленно, в тени, во главе стола. – Это не стандартные ограничения авторского права на изобретения в течение времени найма, не так ли?

– Мы благодарны вам, доктор Такер, – вмешался Джордан, намеренно исключая из разговора председателя, – за то, что вы наконец удосужились прочесть свой экземпляр контракта. – И он иронически поклонился троим ученым; нарастание гнева Билла Блейзера можно было легко проследить по интенсивности багрового тона в цвете его лица. – Вы совершенно правы. Это не просто стандартные формы отказа от любых изобретений и патентов и всякой производственной и финансовой выгоды в пользу компании. Вы не только отказались от любых личных притязаний, включая право на публикацию, но и от права на признание вашего участия в проекте.

Эд Хоторн, худой мужчина с редкими белокурыми волосами, объект постоянного подтрунивания со стороны коллег из-за типичной для ученого рассеянности, никогда не отличался несдержанностью, но на этот раз и он дал выход своему негодованию:

– Вы не можете так поступить. Это вопиюще неэтично. Я не позволю вам присвоить наши открытия!

– Вы не понимаете нас, доктор Хоторн, – произнес из своего убежища в тени председатель очень спокойным, но требующим безоговорочного подчинения тоном. – Никто из нас не собирается присваивать ваши научные заслуги. Никто из присутствующих в этой комнате, или в ваших лабораториях, или еще кто-то, связанный со «Спиралью». Мы собираемся передать

ваши открытия, всю вашу работу и проект в целом другому исследовательскому коллективу. Вот им и припишут ваши заслуги.

Наклонившись вперед, растерянный Джад Такер произнес относительно спокойно, но очень четко:

– Это неслыханно.

– Вовсе нет, – возразил председатель. – Это часто случается с открытиями такого масштаба, хоть и не обязательно, чтобы вы об этом слышали.

– Но почему? – спросил Такер. – Наше открытие существенней всего, на что вы могли рассчитывать в ходе работы над проектом «Спираль».

Фрэнк Джордан инстинктивно почувствовал, что сопротивление ученых слабеет. Он прошел вдоль стола и собрал лежащие перед учеными папки.

– Проблема в том, что вас никогда не посвящали в замысел «Спирали» полностью, – примирительно произнес Джордан. – Легко представить себе, почему вы считаете, что это открытие должно изменить ход исследований. Вы наткнулись на это направление, работая в указанной нами области и по нашему заказу. Большинство генетических исследований сосредоточено на клеточном ядре. Вам было предложено работать только над цитоплазмой, выделив клеточные включения, известные как митохондрии. Работая исключительно с ДНК митохондрий, вы установили, что коды МтДНК почти всегда отличаются от кодов ДНК клеточных ядер – даже в одной и той же клетке. Но это открытие, при всей своей перспективности, не является нашей целью. А наши исследования должны продвигаться в намеченном направлении, для которого было открыто финансирование проекта.

Билл Блейзер, до сих пор молча приближавшийся к точке кипения, наконец взорвался:

– Мы до сих пор представления не имеем, что... в чем заключается ваша... цель! Уж простите, что позволили себе отвлечься от нее из-за эпохального открытия.

Фрэнк Джордан немного помедлил на обратном пути к своему месту. Он выбрал это кресло сознательно – сидя напротив троих исследователей, он был как бы не просто оппонентом в споре, а главным представителем мощной и неизвестной противостоящей силы.

Председатель проекта, сидевший во главе стола, был одет в традиционный консервативный костюм-тройку и крахмальную белую рубашку с галстуком известной школы; среди сотрудников часто заключались пари относительно количества этих «школьных» галстуков, всегда в узкую полоску, одного и того же цвета, в гардеробе председателя, но победители так и не были установлены. Он воплощал собой движущую силу проекта и к тому же – загадочный источник финансирования, но его частые отлучки, когда заместителем оставался Джордан, и кажущееся безразличие к ходу исследований, за исключением единственного направления, сбивали служащих с толку и оставляли у них ощущение неуправляемости.

Председатель, обособленно сидевший в тени, закрыл лицо обеими ладонями. Он казался не столько усталым, сколько обескураженным спором, продолжавшимся уже час. Собравшиеся в уголках глаз морщины придавали его лицу болезненное выражение.

– Знаете, они правы, – сказал он Фрэнку Джордану. – Они должны знать больше, не только генеральное направление проекта. Если уж им удалось добиться такого результата, просто слегка отклонившись от темы при изучении ДНК, они способны горы свернуть.

– Я не имел права рассказывать им, – отозвался Джордан. – Основное правило «Спирали» – «знай, что положено». Даже я всего не знаю.

– А что именно вам известно? – поинтересовался доктор Блейзер, остывший до состояния относительного здравомыслия.

Фрэнк Джордан вопросительно взглянул на председателя и, поймав утвердительный кивок, повернулся к оппонентам.

– Это должно вас удивить, – начал Джордан с заметным недовольством, – но «Спираль» начиналась как проект, финансируемый частным образом. – Он кивнул в сторону председа-

теля. – Исходный грант был использован для найма небольшой исследовательской команды, действовавшей в очень специфическом направлении – их задача, совершенно случайно, была довольно близка к той, которую вы успешно решили: проблема поражения единственного гена. Через несколько лет исходные фонды оказались практически исчерпаны, а команда была не ближе к цели, чем в самом начале исследований.

Джордан сделал паузу, чтобы отпить воды, и, убедившись, что всецело владеет вниманием аудитории, продолжил:

– Исследователям были предоставлены образцы тканей и крови неизвестного объекта, предложенного основателем проекта. В один прекрасный день, весьма близкий к моменту официального закрытия проекта, – примерно пять лет назад, перед тем как вы все пришли к нам, – один образчик крови был подвергнут всем обычным испытаниям. Мы сделали все анализы, включая ауторадиографический, одновременно для ядра и ДНК митохондрий, и тут последовало ошеломляющее открытие. Уникальны оказались не только МтДНК, но и сами митохондрии, которых на клетку приходится несколько тысяч. На этом этапе, при практически иссякшем финансировании, но вполне оформившемся новом направлении исследований, я был вынужден искать новые источники средств. Как вы, возможно, знаете, я тогда только вышел в отставку с... хм, государственного поста. В настоящий момент «Спираль» финансируется военными...

– Вот дерьмо! – громко выпалил Билл Блейзер. – Как раз та мерзость, с которой я обещал себе не связываться никогда в жизни.

Резко оттолкнув свой стул, он хотел встать.

– Минутку, доктор Блейзер, возможно, вам следует знать больше, – произнес сидевший отдельно мужчина; его голос был спокойным, но в нем скользнула нотка раздражения.

– Спасибо, не стоит. Не собираюсь рисковать тюремным заключением. При моих антивоенных взглядах разрабатывать новое оружие уничтожения... Вы поставили не на ту лошадку.

С опозданием осознав, что его папку забрал Джордан, Билл Блейзер повернулся и целеустремленно двинулся к двери. Двое его коллег посмотрели ему вслед, потом обменялись нерешительными взглядами, не зная, как поступить: последовать примеру доктора Блейзера или выслушать администратора проекта. Блейзер помедлил около выхода, надеясь, что его товарищи присоединятся к нему.

Но Джад Такер, едва ли замечавший войны и прочие события, находившиеся за пределами его научных интересов, и Эд Хоторн, признанный физически негодным к военной службе, не выказывали склонности к мятежу; научное любопытство перевешивало их довольно умеренный пацифизм. Блейзер, осознавший, что остался один, взялся за дверную ручку, мысленно прощаясь с проектом, казавшимся ему жизненно интересным и перспективным. Металлический скрежет громко отдался в тишине; дверь, как выяснилось, была заперта.

– Я прошу вас просто выслушать, доктор Блейзер, – произнес председатель. – А потом у вас с Такером и Хоторном будет время – целый день, если пожелаете, – чтобы решить, что именно вы хотели бы выяснить о проекте. Вы заслужили это право в большей степени, чем можете себе представить. Благодаря счастливому совпадению ваша группа вернулась к исходной цели проекта, хорошо известной вам гиперхолестеринемии – дефекту одного гена, вызывающему мутацию уровней холестерина, так что сопутствующий результат вашей работы совпал с основным направлением исследований. Моя жена умерла от этой болезни, и на ее деньги я основал проект, известный вам как «Спираль». И хотя исходное направление больше не является для нас главным, вы не только достигли этой цели, но и связали проблему поражения одного гена с HIV. И за это я вам благодарен.

Фрэнк Джордан, обескураженный этим неожиданным признанием, сидел тихо, пока Билл Блейзер, относительно умиротворенный, но все еще негодующий, вернулся к своему стулу и довольно шумно уселся.

Джордан подождал, пока снова воцарилась тишина.

– Всем вам известно, что митохондрии являются накопителем энергии клетки, и, таким образом, энергии всего тела. Эти клеточные включения представляли для нас интерес с самого начала, потому что они определяют процесс перераспределения энергии в организме. Поэтому митохондрии – главный источник метаболической деятельности, и, как результат, их больше всего в тех клетках тела, которые требуют большего количества энергии, например в мышечных. Итак, представим себе наибольшую концентрацию митохондрий в клетке, какую только можем, а потом увеличим ее в десятки раз – но образец, которым мы располагаем, многократно превосходит любые ранее полученные и даже воображаемые результаты. Наблюдая такое экстраординарное количество митохондрий, мы задались вопросом: что именно означает такой повышенный фактор митохондрий?

Фрэнк Джордан помедлил, давая возможность собравшимся мужчинам сделать собственные выводы.

– Джентльмены, мы убеждены: это признак невероятно могущественного, грубо говоря, человеческого существа, в распоряжении которого колоссальные, еще не установленные возможности. Нам предоставили новые источники финансирования правительственные фонды – чтобы получить ответ на вопросы: насколько могущественного, каким образом, почему? Когда мы получим ответ, мы решим, запускать или нет вторую часть проекта – воспроизведение выделенного фактора и сопутствующего отклонения от нормы.

Глава 2

Дом из песчаника, как и дюжина стоявших напротив, на другой стороне улицы, тихо ветшал десятилетиями. Но теперь красным каменным ступенькам, подточенным временем, предстояло выдержать шаги бесчисленных пациентов, направляющихся в приемную молодых врачей, Элизы Кроуфорд и Джеффа Вона, без памяти влюбленных друг в друга. К сожалению, рыжая краска, некогда наложенная в тщетной попытке модернизировать вневременную прелесть стареющего кирпича, почти вся осыпалась хлопьями, обнажив исходную кладку, и кирпичи выглядывали из провалов, словно жаждущие втянуть глоток воздуха.

Это судьба, думала Элиза, отрывая кусок обоев. Удача – это то, что приходит и уходит, не оставляя следа. Но у них на поиски ушли годы. Дом, цена которого находится в пределах допустимого, и при этом расположенный в достаточно обитаемом районе, – это могло показаться чистой удачей. Возможно, но только если не брать в расчет месяцы, складывавшиеся из дней неустанных скитаний по улицам, если не принимать в расчет блаженство совместного движения к цели. И вот наконец – табличка «Продается» на одном из немногих домов, который они могли бы осилить.

Здесь, на Западной Двадцать второй улице, они наконец обрели свой дом-крепость, уже наметив другой и, в общем-то, в тот день не занимаясь активным поиском. Элиза, начинающий интерн, одновременно – вязальщица (где она находила на вязание время – это загадка), получила первое приглашение участвовать в выставке ремесел Колумбийского университета. Она приехала в сопровождении Джеффа. День был ясный и свежий, после выставки они немного побродили, любуясь простором улиц, помедлив у собора Святого Джона во всем его великопении, и наконец очутились на Морнингсайд-Драйв, над парком, среди холмов. Спустившись по крутой лестнице на Сто шестнадцатой улице, они полюбовались густо засаженной деревьями площадкой, укрытой ковром красной и золотой листвы.

Побродив между каменными лестницами и деревьями, они оказались на другой стороне парка, перед выходом на Сто четырнадцатую улицу, где обнаружили статую: Пан со своей флейтой, прячущийся от медведя почти натуральной величины. Воодушевленные этим открытием – Пана немедленно внесли в личный список находок, – они повернули и пошли назад, к Морнингсайд-авеню, через весь парк. С другой стороны парка линия убогих домишек тянулась на восток, к Сто шестнадцатой. Они уже немного замерзли, когда заметили по соседству бакалейную лавочку; вывеска винного погребка виднелась за квартал. Они решили, что глоток горячего кофе им сейчас не повредит.

С видом завсегдатаев прихлебывая из картонных стаканчиков с треугольными отверстиями в пластмассовых крышечках, они стояли около стеклянной витрины – от пола до потолка, вполне удовлетворенные компанией друг друга. Пожилой, но весьма энергичный мужчина вихрем влетел в лавку, громко обнародовав список покупок, от бананов до хлеба; они обменялись смешливыми взглядами, не подозревая, что пристрастие незнакомца к жареным бананам станет для них божьим даром.

Спустя несколько минут они уже знали, что сеньор Перес, как почтительно именовал его продавец, был сыт по горло бесконечными ремонтами и хлопотами, связанными с высоким положением домовладельца-лендлорда-управляющего, и надеется хотя бы остаток своих дней провести в покое и довольстве; пусть кто-то другой чинит прохудившийся нагреватель, возится с проводкой, интеркомом, обвалившейся штукатуркой и так далее – если только ему удастся продать этот дом, слишком тесный для кого-либо, кроме местных. Люди ищут то, что они именуют «настоящий» кирпич, а таких приземистых домишек полно вдоль Западной Сто двадцать второй, да и сторона парка не та, чтобы привлечь покупателя. Здесь селятся разве что

те, кому не по карману городские цены. Элиза и Джефф слушали жалобы, одобренные сильным латинским акцентом, и нараставшее между ними напряжение становилось почти осязаемым.

Когда нехитрый список покупок был исчерпан, сеньор Перес обвел взглядом лавочку и закончил свой мрачный монолог коротким, но сильным утверждением: «Если кто-нибудь сделает мне приличное предложение, я вылечу из этого дома раньше, чем вы закроете на ночь магазин!»

Они сделали приличное предложение.

Они почти налетели на пораженного старика, уже повернувшего к выходу, бурно выражая свое желание осмотреть его дом. После короткой прогулки между Морнингсайд и Манхэттен-авеню Сто двадцать вторая показалась им оазисом мира в прифронтальной полосе: по обеим сторонам улицы стояли домики из песчаника ровными рядами, как подчеркнул сеньор Перес – ни один из которых не был выше трех этажей, вернее, четырех, если считать подвальный, и ни один фасад – шире, чем на два окна! Минувя два квартала домиков за оградами, они свернули и по каменным ступенькам поднялись к двойной стеклянной двери. При виде резной деревянной двери, следующей за стеклянной, у них буквально перехватило дыхание; эльфы и нимфы резвились в причудливом саду.

Обменявшись взглядами, оба почувствовали, что никакого значения не имеет, каков дом внутри.

Хотя на оформление покупки и все бумажные хлопоты потребовалось несколько недель, сеньор Перес был верен своему слову и выкатился, прихватив двоих других обитателей, через сутки после закрытия лавки. Последние восемнадцать месяцев они чинили, меняли, приколачивали, отламывали и строили – своими руками, которым предназначалось держать только скальпель. Пали стены – и гроздь темных комнатушек, выходивших на улицу, превратилась в большие залы, по одному на этаж. Первый этаж – идеальный для приемной и кабинетов; второй – для грандиозной спальни! Лестница была разведена на два пролета, сломанное оборудование ванной снято и заменено, все водопроводные трубы осторожно подключены к существующей системе, а выходившая в сад большая комната подвального этажа стала кухней-столовой и кладовой.

Их пациенты не жаловались, когда ладонь, державшая стетоскоп, оказывалась несколько шершавей, чем можно было ожидать, и не один лаборант втихомолку ухмыльнулся, увидев руки доктора, умевшего пользоваться ими вне поля профессиональной деятельности.

Теперь у них было два этажа сразу и третий – в перспективе, вернее, по мере потребности. Подвальный этаж приспособили под квартиру, выходящую в сад, так что, когда с водопроводом было покончено, горячая и холодная вода побежала по трубам, оставалось только освежить краску, наложив, так сказать, последний мазок, – и помещение готово к аренде; если исходные планы не материализуются, любой дополнительный доход в ближайшие годы будет приветствоваться очень горячо.

Первый этаж должен стать их рабочей территорией; приемная, два маленьких кабинета с примыкающими смотровыми, крошечная лаборатория и кухня-кладовая. Последний этаж будет оборудован позже; на данный момент спальня и громадная ванная полностью покрывали их потребности. Все остальное при их бюджете было бы излишеством, а с учетом того, что их жизнь только начинается и мечты имеют вещественное подкрепление, гостиная и студия на втором этаже могут подождать.

Предпоследняя полоска обоев отошла целиком. Пыль и штукатурка сыпались с дряхлых стен, мягко припудривая гладкую кожу цвета слегка поджаренного миндаля, туго натянутую на скулах Элизы, выбелив ее золотисто-каштановые волосы.

Сидя на пятках, Элиза осмотрела большую комнату первого этажа, выходившую окнами на улицу. От угловой стены одной из клетушек осталась только вот эта заплесневелая бумага. Не так уж много работы, даже с учетом уже сделанного. Немного штукатурки и песка – и стены

можно будет красить. Она вспомнила эту комнату со свисающими со стен лоскутами обоев и хозяина, гордо оглядывающего эту крайне неприглядную картину. Улыбнувшись собственному полету мысли, она вернула себя к реальности, изучая стены в поисках щербин, но штукатурка оказалась на удивление прочной для такого старого дома. Совсем немного штукатурки отстало вместе с обоями, но заделка дыры – после кропотливой возни с очисткой стен – будет относительно легкой работой.

Комната показалась ей еще более многообещающей. Небольшой камин, размещенный в центре западной стены, к удивлению, оказался вполне исправным. Естественно, при условии, что дымоход очистят от накапливавшегося десятилетиями мусора и сажи. Разумное основание для восстановления этой штуки очевидно; если заработает камин в этой комнате, это означает, что тепло будет и в одной из спален наверху и сократятся расходы на отопление. Двойные окна, каждое почти на всю высоту комнаты, выходили на юг и украшали площадку при входе в дом – пространство слишком скромное, чтобы именовать его фойе. После ликвидации двух комнат и холла результирующая площадь была достаточной, чтобы там могли с удобством устроиться пациенты – не хуже, чем в обычной приемной, со столом и шкафами для бумаг.

Погрузившись в размышления о занавесях и корзинках с декоративными растениями, Элиза – нет, доктор Элиза Кроуфорд, поправила она себя, уселась на пол посреди коробок со справочниками. Рваные джинсы и испачканная футболка отлично подходили к ее внешности девчонки-старшеклассницы, но она полностью сознавала, и даже нашла нужным подтвердить вслух, свой высокий общественный статус:

– Я работаю врачом уже пять лет. Теперь у меня будет собственная практика. Хватит с меня дежурств. Хватит сна вполглаза, где придется... Хватит! – И с торжествующим визгом она подхватила горсть рваных обоев и швырнула их вверх, к потолку; обрывки снежными хлопьями осыпали ее лицо и плечи.

– По моим последним наблюдениям, доктор Кроуфорд, в вашем поведении налицо полный регресс и общее безумие. С другой стороны, ваши поступки могут быть вызваны крайней степенью голодного истощения – в таком случае я попытаюсь поправить положение.

Джефф Вон стоял в широком дверном проеме. Улыбаясь ему под градом обрывков, Элиза подумала, что вся радость, наполняющая ее благодаря новому дому и будущей практике, не идет в сравнение с ее супружеским счастьем.

– Безумие – это да, похоже. Мы определенно свихнулись, когда решили пожениться, работая по распределению... Но, Джефф, ох, Джефф, это стоит каждой безумной минуты, которую мы пережили. Целыми днями не видеться, потом мельком видеть тебя спящим, когда у самой глаза слипаются... Уик-энды, когда выдастся... Но теперь... погоди! – Элиза уселась прямо, по-прежнему сжимая горсть обрывков. – Что ты имеешь в виду под общим регрессом?

– Я имею в виду, что передо мной снова та чудесная девчонка, в которую я влюбился в колледже. Совершенно не изменившаяся. Даже ради куска хлеба... – Джефф комично сдвинул брови и поиграл воображаемой сигарой. – Ну а теперь прописанный мною ланч и прочее лечение. – Нагнувшись, чтобы поднять жену, Джефф скользнул руками по ее телу и мягко потянул вверх. Элиза потянулась к его рабочей рубашке и просунула ладонь через воротник вниз, к широкой груди.

– Ланч – звучит неплохо в данный момент.

Переплетя руки, они двинулись, как одно существо, в свою обновленную кухню. Едкий запах краски от перил и панелей ласкал их обоняние. Тонкая фигурка Элизы льнула к Джеффу, и, когда он наклонился, чтобы поцеловать ее в щеку, она снова подумала, как чудесно они подходят друг другу во всех отношениях. Джеффу, у которого хохолок на макушке высился над шестью футами роста, нужно было только слегка наклонить голову, чтобы прижаться к ее губам; а когда Элиза надевала туфли на высоких каблуках, их глаза оказывались на одном уровне. Его белокурая шевелюра гармонировала с ее золотистой; летом ее волосы выгорали и

становились почти такими же светлыми, как у Джеффа, но его темно-синие глаза были неповторимы, особенно когда, останавливаясь на Элизе, сияли любовью.

Кухня-столовая была выскоблена и выкрашена в цвет слоновой кости с фаянсово-синей отделкой. Сравнительно новый холодильник с морозилкой вписался в нишу так, словно она была специально для него предназначена. Но гордостью Элизы была роскошная плита на шесть горелок, с двумя отделениями для подогрева, внутренним и внешним бойлерами и двумя духовками.

Джефф прищурился, проследив взгляд, брошенный Элизой на массивную плиту.

– Сам не знаю, как позволил тебе уломать меня купить эту штуку. Она занимает в два раза больше места, чем положено, а использовать ее мы сможем разве что наполовину.

Элиза рассмеялась и провела ладонями по блестящему хрому, отделанному черным железом.

– Потому что она чудовищна. Во-первых, это была суперпокупка – в ресторане готовы были приплатить нам, чтоб мы ее забрали, это раз, а потом духовка для подогрева будет для нас благословением во время ночной работы. Вот в этом все дело.

Даже если этой плите не суждено было оправдать возложенные надежды, она все равно стоила своих денег, потому что сделала Элизу счастливой. Отвергнув всякое обсуждение преимуществ маленькой микроволновой печки перед огромными духовками для подогрева, Джефф повернулся и открыл буфет.

– В таком случае, – он сунул кофейник прямо ей в руки, – займись своим монстром, пока я, как шеф-распорядитель, воспользуюсь менее эффектным чудом техники и приготовлю ланч.

– Джефф, не то чтобы я недооценивала твой кулинарный талант, но будет вполне достаточно, если ты ограничишься парой сэндвичей с ореховым маслом и желе. Бери бумажные тарелки. Хватит с меня уборки на сегодняшний день.

– Сэндвичи будут, моя госпожа, но по моему выбору.

Джефф открыл морозилку со сверкающими полками; Элиза налила воду в кофейник.

Джефф быстро отделил листья шпината от головки, нарезал батон и острым кухонным ножом препарировал помидоры, бермудские луковички и холодный ростбиф.

Ланч быстро оформился в виде двух двойных сэндвичей на поджаренном ржаном хлебе, дополненных охлажденным пивом в бутылках с длинными горлышками, на удивление хорошего сорта. Этот сорт они обнаружили в винном погребе по соседству, который навещали часто с добрыми воспоминаниями о сеньоре Пересе.

– Сделай такой же третий, и можешь рассчитывать на оплату закладной в этом месяце, – донесся до них от двери глубокий голос вошедшего.

– Сюда, папа, можешь рассчитывать на половинку моего. Никогда мне не удавалось справиться целиком с творениями Джеффа. Я и пытаюсь не стану, чтобы сохранить фигуру. – Элиза улыбнулась своему свекру, крупному мужчине в консервативном костюме-тройке, практически заполнившему собой дверной проем. – А ты, – продолжала она, – способен слопать эту половинку, потом еще целый и остаться голодным. По-моему, после каждой операции тебе приходится наедаться до отвала, чтобы сохранить форму.

С предательским румянцем на щеках, удивительным для такого солидного господина, Хэл Вон застенчиво хлопнул себя по наметившемуся брюшку:

– Я, собственно, пришел пригласить вас на ланч, но, кажется, опоздал.

– Отец, тебе хотелось бы позаботиться обо всем на свете. С ланчем мы в состоянии управиться сами. – Джефф говорил мягко, но в его тоне чувствовалась нотка отпора. Несмотря на безоглядную щедрость отца, Джефф намерен был однажды вернуть все потраченные на себя деньги. Вполне достаточно, трезво считал Джефф, быть счастливчиком, имеющим отца, способного сыграть роль сказочно дружественного банкира, когда нужно заплатить проценты по закладной или получить ссуду на обзаведение. Все остальное – на их с Элизой ответственности.

– Джефф, ты сам выполнил всю работу в этом доме, ты и Элиза, – мягко произнес Хэл Вон, не забывая о повышенной щепетильности сына, – не говоря уж о медицинской школе, интернатуре и работе. Это привилегия отцовства, почетное право – помогать понемногу, при случае в особенности, если гордишься от души таким сыном... и его женой.

Легкая напряженность, пиво и сэндвичи растаяли молниеносно. Свежесваренный кофе разлили в большие цветные керамические кружки, купленные в тот знаменательный день, когда Джефф и Элиза нашли свой дом.

Джефф сделал глоток ароматной жидкости.

– Я все еще держу пальцы скрещенными и не могу поверить, что мы сделали все это в первый легендарный год практики, не поплатившись ни шкурой, ни душой. Твоя помощь была весьма существенной.

Рассеянно прихлебывая кофе со сливками, Элиза улыбнулась своим мыслям:

– Только одна неделя работы осталась. У нас уже есть маленький список пациентов, через семь дней начиная с сегодняшнего. По большей части – благодаря тебе, па.

– Нет, я тут ни при чем. Больше половины пациентов были вашими в больнице. А соседей наwerbовала ваша медицинская сестра. Я только добавил парочку.

– Пап... – Элиза посмотрела на свекра, любовь и уважение читались на ее лице. – Дело не только в этих пациентах, хотя их общественное положение поможет нам утвердиться. – Жестом она попросила Хэла не прерывать ее. – Я сейчас обо всем, что ты сделал для нас. Нам потребовалось бы лет пять, не меньше, чтобы добиться всего этого, если б не ты. Подожди, я не закончила. – Элиза продолжала протестующе держать ладонь. – Ты был с нами всегда, каждый раз, когда мы нуждались в помощи. Без тебя мы бы вряд ли встретились вообще... Благодаря твоей клинике и тем стипендиям, которые ты назначил для волонтеров, мы встретились как раз там, где надо, в нужное время. Мы хотели подождать с этим вопросом, но, по-моему, сейчас самое время. Папа, почему бы тебе не перебраться к нам? Не только перенести практику – переехать вообще. Поселиться с нами вместе. У нас есть отдельная квартирka с выходом в сад, там получится отличная приемная. Ты был один достаточно долго. Луиза умерла восемь лет назад. Джефф и я говорили о тебе, и мы хотим, чтобы ты жил с нами. Мы оба хотим.

Хэл Вон утратил дар речи, его глаза подозрительно заблестели. Комок в горле мешал ему заговорить, он смог только покачать головой. Он сглотнул и сделал глубокий вдох, прочищая горло.

– То, что вы предложили мне это, важно само по себе. Но у меня своя практика на Лонг-Айленде. Там я работаю, у меня там друзья, и, – он ухмыльнулся, – кто знает, вдруг найдется леди, согласная заняться для меня домоводством. Но ваше предложение для меня лестно. Не всякая родная дочь способна на такое. Кроме того, должен признаться, что помогать вам для меня означало иметь предлог быть рядом. У половины моих друзей в клубе дети сбежали в Калифорнию. Спасибо вам, большое спасибо за это предложение.

Джефф наклонился и чмокнул Элизу в макушку.

– Это ее идея, па. Правда, мне показалось, это было бы здорово. – Джефф повернулся к отцу и подмигнул. – Кроме того, двум новичкам не помешал бы постоянный опытный консультант.

– Брось, я слишком растрогана, чтобы смеяться, – заявила Элиза и сразу же звонко расхохоталась. – Это все болтовня, а меня убивает моя усталая спина. Кстати, – Элиза подскочила, ее кружка была еще наполовину полной, – Бри придет сегодня днем, и я хочу, чтобы она увидела большую комнату без следов старых обоев. Мне осталось очистить всего одну панель, и я вполне успеваю – если начну прямо сейчас.

Она подарила воздушный поцелуй мужу и более весомый свекру, находившемуся ближе к выходу, и исчезла в дверном проеме, но тут же вернулась и просунула голову в кухню, нежно глядя на Хэла:

– Я серьезно, папа. Мы оба серьезно. Предложение остается в силе, независимо от леди-домоправительницы. Возможно, я даже сумею благотворно повлиять на тебя, например отучить от этих костюмов и галстуков в полоску. Знаю, знаю, это верность школе и так далее, но тебе следовало бы попробовать цветастый, с какими-нибудь разводами. – Элиза простодушно улыбнулась, подмигнула и снова исчезла.

– Удивительная девушка, – произнес Хэл, когда снова раздался скрежет шпателя. – Просто удивительная. Я почувствовал это сразу же, когда она появилась в моей клинике кампуса. – На его лицо легла тень. – И довольно скоро это впечатление подтвердилось.

Джефф, собиравший пустые тарелки, на полпути к мойке остановился. Он был занят возней с посудой, и перемена в настроении отца прошла для него незамеченной.

– В Элизе есть что-то такое, чего я до сих пор не могу понять – хотя мы не разлучались с того дня, как встретились. Она по-прежнему удивляет меня. Она выросла почти сама по себе; тетка, которая ее воспитала, была настоящая отшельница. Она сильная и умная; у нее оценки почти такие же, как у меня. Но временами она мне кажется маленьким ребенком. Она способна расплакаться из-за лопнувшего воздушного шарика. Иногда у нее бывает потерянный вид, а я не знаю отчего. Временами мы говорим о чем-нибудь – и вдруг у нее становится такое отсутствующее лицо.

Повернувшись к мойке, Джефф раскрутил оба крана и быстро расставил тарелки под струей воды. Вытирая руки о джинсы, он долгим, изучающим взглядом смотрел на отца, размышляя, продолжать ли доверительный разговор. И решил.

– Вчера ночью Элиза в первый раз обмолвилась, что у нее есть сестра. – Джефф умолк, его растерянность была очевидна. – Как это вышло, что она никогда раньше не говорила о своей сестре?

Хэл Вон выдержал пристальный взгляд сына, стараясь не выдавать свой интерес и удивление.

– Так спроси ее. Только сделай это мягко. Возможно, с этим связаны какие-то тяжелые воспоминания.

– Мы собирались сегодня вечером выбраться куда-нибудь пообедать, первый раз за все эти месяцы, устроить экспедицию по окрестностям. К вечеру у нас состоится официальное вселение – мы расставим мебель в спальне, – ухмыльнулся Джефф. – Я поговорю с ней за обедом.

Хэл Вон выпрямился и кивнул.

– После той работы, которую вы выполнили в этом доме, да плюс еще и в больнице, удивляюсь, как это вы еще помните друг друга по имени.

Не уловив натянутости в ироническом тоне отца, Джефф согласно кивнул:

– Может, ты прав, папа. Может, у нас и времени-то не было поговорить.

– Но не подталкивай ее, Джефф. Это могут быть болезненные воспоминания. Дай ей сделать первый ход.

– Ладно. Она так мало рассказывала про свою семью. Я встречался с ее тетей, но она никогда не говорила про мать Элизы. И обе они ни словом не обмолвились ни о какой сестре...

Поставив на место последнюю вытертую тарелку, Джефф сел лицом к отцу.

– Но главное, в чем я уверен, – Элиза самая чудесная из женщин, которых я знаю. Я страшно ее люблю.

– Пока ты об этом помнишь, все будет чудесно.

– Я не собираюсь забывать об этом, папа. Никогда.

Глава 3

Ни предстоящий ритуал увольнения, ни серьезные перемены, грядущие из-за женщины, которая совсем недавно стала ее подругой, не тревожили Бри Собоул. Она рассеянно следила, как обрывки бумаги скользят под ветром по асфальту – будто куда-то спешат. Они так целеустремленно неслись вперед, что казалось, на углу Сто шестнадцатой они подождут зеленого у светофора и только потом пересекут Морнингсайд-авеню. В остальном захламленная улица казалась унылой и безжизненной. Только густо засаженный парк обещал – легким шепотом ветерка – обновленную жизнь и возвращение цвета в окрестности.

Бри Собоул слушала и замечала, потому что это она делала лучше всего. Она работала медицинской сестрой в отделении интенсивной терапии, наблюдая за малейшими изменениями в состоянии пациентов в долгие часы ночных дежурств. И делала это хорошо. Так хорошо, что на ее рапорты о постоянных переработках начальство не обращало внимания. Днем, говорили ей, уследить за пациентом легко. Вокруг доктора, бодрые нянечки. Бри нужна по ночам, когда этаж пустеет, а внимания в отделении требуется больше. Конечно, доктора всегда можно вызвать звонком, но ее знания и опыт позволяли оказать неотложную помощь до его появления. Несмотря на дополнительную плату, Бри тосковала по нормальной работе, работе в дневное время, и свободных вечерах и ночах.

Возвращение домой по утреннему холодку и свежести было единственным достоинством ночных дежурств, но вряд ли дело того стоило. Она могла бы с большим удовольствием по утрам пешком идти на дежурство, а не возвращаться с него. И так оно и будет начиная со следующей недели. В больнице поначалу не хотели ее отпускать, но потом начальница поняла, что уговоры бесполезны, и попыталась воззвать к ее «призванию», что вызвало у Бри только усмешку.

Уверенно и спокойно Бри, стоявшая в своей крахмальной форме, отсекла обвинения в дезертирстве.

– Мое призвание – это моя работа, моя семья и мое ремесло. Сейчас все, на что меня хватает, – это уход за больными. У Вонов мне достанет времени на все.

– Воны – величайшая ошибка вашей жизни. – Начальница почти выплюнула злые слова, нарушив неписанный врачебный кодекс, запрещающий любые пересуды о коллегах. – Эта доктор Кроуфорд – весьма странная молодая дама. Даже не обмолвилась, что не собирается переходить на фамилию мужа. С ней вообще что-то не так, и дело тут не в медицине.

Бри изготавилась к обороне.

– Просто доктор Кроуфорд – необычайно чуткая женщина. Уверяю вас, я сразу же чувствую, если что-то не так.

Кроме того, проще остаться с девичьей фамилией, чем писать на табличке над дверью «Доктор Вон» два раза.

Резко захлопнув папку с личным делом Бри, начальница дала знать, что финальное интервью окончено.

– Сами увидите. Вы просто не знаете, что о ней говорят в коридорах. А что касается работы, за которую вы беретесь, понятия не имела, что сама профессия для вас так важна. Но если вы уж решили в это влезть, по крайней мере будьте настороже.

Теперь, когда ее службы в больнице оставалось всего два дня, она чувствовала возбуждение от начала нового этапа в жизни. Сегодня она отоспится вволю и попозже днем пойдет взглянуть, как там Элиза и Джефф продвинулись с подготовкой приемной. Не только мысль о последних рабочих днях действовала возбуждающе, но и дорога домой. Начиная со среды она окунется в работу, помогая готовиться к приему первых пациентов в следующий понедельник.

Ей предстояла душераздирающая борьба за собственную частную практику вместо относительно размеренной работы в госпитале – и все же решение Бри было обдуманым и взвешенным. Ведение историй болезни в офисе вместо восьмичасового бдения у кроватей тяжелобольных – это раз; помощь пациентам, еще ходячим, а не впавшим в коматозное состояние, – это два; и три – самое существенное – возможность иметь свою личную жизнь.

Сворачивая на восток к своему кварталу, Бри с удовольствием вдохнула свежий воздух. Несмотря на усталость – неизбежную, стоило ей надеть свою белую форму, – она с удовольствием думала о близкой свободе. Белый цвет отражает энергию. Дома она скользнет в свой полуночно-синий халат, символ ремесла; темный цвет впитает энергию и подкрепит ее истощившиеся ресурсы. Белый цвет, подходящий только для похорон, считается обязательным для медиков; Бри давно поняла, как важно отражать энергию пациента; большинство ее подопечных нуждалось в каждой частице силы, остававшейся в подточенном болезнью организме.

Шум и возня в аллее прервали умиротворенные размышления Бри. Тревога! Ее инстинкт включился автоматически, она замедлила шаг, стараясь определить направление, откуда поступил сигнал, и двинулась к источнику раздражения. Оказавшись у захламленного прохода, она вгляделась в глубину. Настоящий тупик – ни дверей, ни окон, и единственный вход, не считая того, что с улицы закрыт решетчатой оградой.

Перед решеткой два юных охломона пинали мальчишку помладше. Их визгливые выкрики громко отдавались в узком проходе.

– Тебе было сказано не распускать язык, задница! – завопил высокий подросток упавшему. – Мы по уши увязли, но ты знаешь, кому достанется первому!

Второй подросток ловко пнул упавшего в грудь.

– Разговорчики вредны для твоего здоровья, вонючка, – пронзительным, срывающимся голосом выкрикнул он. – Ты настучал на нас, а теперь мы настучим тебе по голове.

Он рассмеялся, в восторге от собственной остроты, и ногой ударил упавшего в подбородок. Кровь брызнула изо рта мальчишки, слезы поползли по его щекам. Он свернулся в позе эмбриона, защищая голову.

– Настучим сначала мы, – повторил мучитель, отхлебнув из маленькой бутылочки, завернутой в коричневый бумажный пакет.

– Прекрати! – крикнула Бри, не в силах сдержать свой гнев. – Оставь его в покое, а то...

Высокий юнец крутанулся на каблуках и прищурился, разглядывая одинокую женскую фигурку в конце аллеи.

– А то – что, леди? – издевательски протянул он, чувствуя в крови ток уличной бравადы и алкоголя. – Вы или кто другой нас остановит?

Второй хулиган, у которого ботинок был измазан в крови, злобно ухмыльнулся. Подростки переглянулись и снова уставились на Бри: женщина, медсестра, с сумкой, одна; может, в сумке лекарства, но наверняка – деньги. Без единого слова, мысленно выстроив план нападения, они двинулись к Бри. Мальчишка в окровавленном ботинке на секунду замешкался, чтобы отбросить пустую бутылку, целя в упавшего.

– Остановитесь, – повторила Бри – предостережение, ясное для каждого, имеющего уши.

Но они не собирались останавливаться. Они медленно подбирались к намеченной жертве.

– Сейчас же остановитесь, – повторила она, выставив перед собой руку.

Подростки продолжали подходить к ней. Единственным звуком, нарушившим тишину, был щелчок открытого ножа. Намерения хулиганов вибрировали в воздухе – плотное, почти осязаемое излучение извращенной ненависти ко всему и всякому.

Сделав глубокий вдох, Бри поймала волну их ярости и удержала, связала встречной волной своего страха. Вспышка горечи, направленная не против подростков – против того, что они делали, спасла и оградила ее; одновременно излучение животной злобы, исходившее от

мальчишек, сконденсировалось в сгусток отрицательной энергии. Искорка смеха зажглась в глазах Бри, наблюдавшей, как растет разрушительная сила их злобы. Настроившись на волну их слепой ярости, Бри выстроила прочную энергетическую защитную сеть. Силовой шар рос, наливаясь белым яростным жаром. Защитная сеть вокруг Бри растянулась, перекрывая вход в аллею, стала тоньше шелкового чулка. В голове у нее мелькнула мысль: не худо было бы сейчас убраться к черту отсюда, воспользовавшись этим покрывалом. Потом она вспомнила упавшего мальчишку, кровь, сочащуюся у него изо рта, из носа, из ушей. В ней вспыхнул гнев – неуправляемый, безрассудный. Она мысленно дотронулась до заряженного шара и метнула его в юнцов.

Хулиганы рухнули на землю прямо перед ней; у них закатились глаза, лица побледнели и покрылись липкой лоснящейся пленкой. Спокойно перешагнув через них – отойдут, ничего с ними не будет, – Бри двинулась к избитому мальчишке. Он все еще был без сознания, раненое лицо кровоточило.

– Рада, что ты ничего не видел, – пробормотала Бри, тщательно ощупывая голову и шею подростка. Не обнаружив серьезных повреждений, она перевернула его и продолжила осмотр. Сильно избитый, мальчишка застонал, когда она провела рукой по его груди и нащупала сломанное ребро – четвертое справа, это заштопать легко. Бри нагнулась и мягкодохнула в его губы, внимательно всматриваясь в открывшиеся глаза. – Идти можешь? – подбодрила мальчишку Бри, уже зная, что тот в состоянии передвигаться. – Тебе лучше уйти, пока твои дружки не проснулись.

Обхватив его худенькое тело – еще даже не подростка, просто ребенка, – она немного проводила его, а потом просто смотрела, как он, спотыкаясь, бредет к своему дому. Он даже не оглянулся – вполне естественное явление для обитателей этих улиц. Бри вздохнула и двинулась к своему подъезду.

Бри поднялась на четвертый этаж, не затрудняя себя осознанным отпиранием замка или перешагиванием через ступеньки.

– Инстинкты крепчают в моей семье, – пробормотала она, – только проявления довольно разнообразны.

Бри определенно чувствовала, что может доверять доктору Кроуфорд – обоим Вонам тоже, но в особенности – Элизе. В ней действительно было что-то необычное, хотя Бри не смогла бы указать точно, в чем тут фокус. Но она пообещала себе, что когда-нибудь, если только наконец выпитися вволю, непременно займется загадкой, которую представляет собой Элиза Кроуфорд.

Остановившись перед своей дверью с набором замков, Бри устало пошарила в боковых карманах большой сумки, которую использовала для любой поклажи – от ланча до дешевых книжек, от косметики до пояса к чулкам. Она нащупала ключи и начала отпирать первый из замков, охранявших ее скудное имущество.

Уже внутри, в безопасности, задвинув все четыре задвижки и закрепив цепочку, Бри сбросила рабочие туфли на резиновой подошве и сунула ноги в стоявшие наготове шлепанцы. Чайник с водой ожидал только огонька, который она зажгла прежде, чем сняла свой светлый шерстяной плащ. Травяной чай должен был обеспечить ей должный покой и комфорт перед сном. Бри успела умыться и подпоясать свой ночной синий халат, когда закипел чайник. Процеживая горячую воду через душистые листья, она вдохнула аромат напитка, почти такой же освежающий, как и вкус.

Мигающий индикатор на новом электронном телефоне напомнил ей, что нужно прослушать накопившиеся за ночь сообщения. Записаны были четыре звонка, но трель телефона требовала немедленного ответа. Не отвечать своим пациентам было бы для нее неслыханным нарушением кодекса. Целитель всегда готов помочь страждущему. Бри взяла трубку, не дожидаясь третьего сигнала, и отключила запись. Ей было приятно услышать знакомый голос.

– Ты когда-нибудь слушаешь свой автоответчик? Я уж думал, тебе нужен новый аппарат. Я звонил по меньшей мере шесть раз этой ночью и каждый раз оставлял сообщение.

– Жожо, ты спишь когда-нибудь? Я работаю только по ночам, но ты на ногах утром, днем и ночью. Сегодня в мое дежурство было три экстренных случая, один за другим. У меня было полно забот. Кроме того, даже если звонил только ты, записано всего четыре сообщения. Что стряслось?

– Твоя мать...

Сжав телефонную трубку так, что побелели костяшки пальцев, Бри откинулась на спинку большого кресла, стоявшего около телефона. Она одернула на себе халат, не переспрашивая, ожидая продолжения.

– Она... Она плоха. Наши думают, что она не переживет этот день.

– Я должна быть с ней. – Слова Бри были едва различимы, но Жожо понимал, какой внутренней борьбы потребовала от нее эта короткая фраза.

– Ты не можешь быть с ней, – продолжал Жожо. – Ты это знаешь. С ней будут только те, кого первый клан назначит наследниками. Ее сила войдет в самого достойного в момент ее смерти. Но они хотят, чтобы ты знала: она думает о тебе. Даже сейчас. Она называла твое имя.

Сдавленное рыдание вырвалось у Бри, и, сбивчиво поблагодарив Жожо за звонок, она потянулась было положить трубку на рычаг, когда в голове у нее мелькнула тревожная мысль.

– Погоди, Жожо. Майкл знает?

– Твой брат знает. – Жожо тяжело вздохнул. – Хотя я предпочел бы, чтобы он ничего не знал. Он все еще считает следующим себя.

– Дело, в общем-то, не в Майкле. Это... ну, скажем, можно назвать их его преданными сторонниками. Это они навязывают ему роль претендента...

– Ты не понимаешь Майкла или не хочешь понять... Это порочный путь. Как бы то ни было, ты целитель, но могла бы стать гораздо большим, если б чуточку постаралась. Прими ты участие в делах клана, ты была бы первой среди избранных.

– Ты знаешь, что я работаю по ночам, Жожо. Но на следующей неделе все переменится. Я буду уделять больше внимания нашим обрядам. Но как бы то ни было, я никогда не откажу в помощи больному. Ты это знаешь.

– Знаю, Бри. Как и все у нас. Ты общая любимица, кстати говоря.

– Спасибо, Жожо. А теперь я хотела бы побыть одна. Я страшно потрясена и очень устала. Сейчас я включу автоответчик. Если увидишь кого-нибудь из наших, объясни, почему я не отвечаю на звонки.

– Все уже знают, что пока не стоит тебя беспокоить. Они будут звонить маме Элис, когда... ну, когда...

Слезы потекли по ее щекам ручьями. Бри не нужно было ждать, пока Жожо подберет слова, совершенно очевидные, но такие трудные: ему трудно было их выговорить, ей – выслушать.

Бри охватило оцепенение и растерянность. Время текло незаметно. Телефон молчал – благодаря информационной сети Жожо. Под аккомпанемент уличных шумов мысли Бри закружились, она погрузилась в воспоминания о матери, высокой и величественной, с длинными волосами, такими темными, что они почти не отражали свет. Бри видела черты своей матери каждый раз, стоило взглянуть в зеркало. Доброта матери была неиссякаемой. «Старая душа, – говорила она Бри, – знает только любовь». И мать Бри любила. Своих детей, свой народ и в то короткое время, пока он был с ними, – своего мужа, отца Бри и Майкла. Почему она вышла замуж за чужака, никто не знал. Все были ошеломлены, но помалкивали, благодарные за то, что такой выбор позволяет ей свободно жить со своим народом. Сидеть дома с мужем – это было бы не для ее матери; она навещала больных и прикованных к дому, лечила и вела службы два или три раза в неделю для одного из кланов, что отнимало почти все ее время. Оставши-

еся немногие моменты она посвящала детям, обнимая их и нашептывая секреты, которые им когда-нибудь пригодятся.

На первый взгляд внешность Бри и ее матери заставляла заподозрить чужеземные корни – греческие или, возможно, южноитальянские; но, взглядевшись пристальней в их черты, можно было узнать высокие славянские скулы и широко расставленные глаза, такую темную окраску глаз, что радужка почти сливалась со зрачком. А упрямые гэльские носы напоминали о сельских просторах Ирландии. И неудивительно, родословная Бри включала все эти народы – и еще многие. Удивительно было другое: вся эта смесь образовалась еще в Европе, а не великом горниле Америки. Все владеющие Ремеслом женились только на своих, из клана, не слишком обременяя себя исследованием хитросплетений родословных.

Родовое имя Собоул шло от прапрадедушки, проложившего свой путь из полей Франции. Он привез свою новобрачную из Австрии прямо в сердце Пенсильвании, в Эллис-Айленд, как и многие его соплеменники. Незамеченными проскальзывали в потоках эмигрантов дюжины молодых мужчин и женщин, красивых и здоровых, молодых и бездетных, разговаривавших только между собой; среди этих пар были и Собоулы. Они приобретали разумные по размеру, примыкающие друг к другу участки плодородной почвы, заселив уголок графства Клэрион, Пенсильвания.

Земля была их религией или, точнее говоря, главной частью ремесла. Они были ведуны и почтительные дети природы; для них равновесие Вселенной было такой же частью повседневных забот и тревог, как пахота, и сев, и сбор урожая, и каждое рождение и смерть. Они росли и процветали, их поля колосились, тяжелели виноградные грозди. Растущий спрос на вино потребовал расширения виноградников, из года в год владения клана разрастались. Но наступили тяжелые времена – из соседних городов, чьи поля не приносили такого урожая, как поля клана, донеслись грозные слова: «аннексия земель», «налоги», «общественные школы». Хуже того, их дети, поцарапанные, избитые городскими подростками, с каждым днем все позже возвращались домой.

К третьему поколению – к которому принадлежала их с Майклом мать – любовь оставила их дома, а жизнь – уцелевшие пашни и виноградники. Численность клана уменьшилась вдвое по отношению к количеству приезжих. И эти немногие продали уцелевшие акры и переехали в город, где, затерявшись в толпе, можно было чувствовать себя в безопасности. От всей колонии осталась только одна ферма, но двери маленького домика всегда были открыты для отпрысков народа, чтобы они могли отдохнуть душой после напряженной и замкнутой городской жизни.

Бри, усталая и измученная, подумала, что ей пора побывать на ферме. Удобное кресло будто обволокло ее тело, взгляд потерял сосредоточенность. Комната закружилась перед ней.

* * *

Майкл пустым взглядом уставился на пылинки, кружащиеся в луче света. Его напряженное тело излучало чистое статическое электричество, так что все волосы на нем встали дыбом. Изношенная ткань его простого, безыскусного одеяния, пережившего многих хозяев, ласкала кожу. Шафрановый бархатный халат излучал собственное мягкое свечение, радиацию космической энергии, накопившейся во время бесчисленных обрядов. На худой конец, за то он и заплатил.

Просторная комната, приготовленная больше года назад в предчувствии приближающейся церемонии – до которой осталось меньше часа, – казалась пустой, если не считать двух резных стульев напротив высокого мозаичного окна. Портъерами глубокого золотисто-желтого тона были задрапированы стены, но не окна. Искусно сработанный мраморный алтарь стоял, как предписывалось правилами, в центре золотого круга, тщательно выведенного на полу.

Майкл продумывал подробности предстоящего обряда, ожидая решающего звонка. Наконец его мать умирает!.. Стиснув сильные руки так, что кольцо с ониксом болезненно врезалось в ладонь, Майкл обвел взглядом комнату. Все было в полном порядке, не хватало только девушки, участия которой требовали правила.

Исключительно счастливое совпадение, так сказать, что этот момент совпал с неизбежной смертью матери; теперь все отлично укладывалось во время. Близился пятый час первого дня недели, самый благоприятный для успешного совершения обряда. Благовония из корицы, муската, гвоздики и нарцисса уже зажгли в точное время, тяжелый аромат пропитал воздух.

И неповторимая гармония Таттвических космических приливов и отливов благоприятствует посвященным – Вайю Таттва в зените и удачно сочетается с периодом лунного цикла. Согласно записям, это обеспечит Майклу успех. Предусмотрено все.

Четыре стороны света были тщательно размечены на золотом круге, а тайное родовое имя Майкла на древнем, неизвестном большинству языке выписано по окружности. Один только вид этого круга наводил благоговейный страх на новичков, но сборище адептов Майкла к нему привыкло.

Каждую сторону света символизировали специально подобранные предметы, доставленные сюда с огромным трудом.

Север – землю – символизировали камни с перекрестка меридиана и параллели, широта и долгота которых отвечали определенным требованиям; камни везли сюда через два континента.

Юг – огонь – изображал красный янтарь из Китая; этот янтарь уже побывал в работе и чудесно себя зарекомендовал.

Восток – воду – отмечал кубок с дождевой водой, в которую всыпали щепоть соли, символа вечности. Эту соль выпарили из воды океана в те времена, когда племя только зародилось, и ее пронесли через поколения как атрибут власти. Для этого случая Майкл, если можно так выразиться, позаимствовал священную реликвию у своего народа.

Запад – воздух – символизировал единственный побег омелы на маленькой золотой тарелке, по каемке которой вились древние буквы, не известные никому из заговорщиков, кроме Майкла. Пропажу этой тарелки из имущества его матери пока не обнаружили, а к тому времени, когда это произойдет, все ее достояние перейдет к нему по праву.

Вокруг золотого круга стояли двенадцать молодых людей, разделенных на четыре группы. Каждая тройка стояла около символа, которому принесла присягу. Дети земли были в грубоотканых коричневых одеяниях, символизировавших могущество своего божества. Поклонники огня – в красном переливающимся атласе, отражавшем блики свечей. Присягнувшие воде оделись в голубой шелк, мерцающую нежную ткань, поверхность которой волновалась, как водная гладь. Те, кто присягнули воздуху, были в белых хлопковых одеждах, широких, из ткани крупного плетения, чтобы не мешать ветру. Прислужники негромко пели, их звонкие голоса слаженно опускались и поднимались.

Границу магического круга отмечала длинная веревка, сплетенная из полос сыромятной оленьей кожи, связанных магическими узлами; в северной точке концы пока были свободны, открывая проход для Майкла. Алтарь также был обращен к северу, на нем лежал кинжал. Про этот кинжал ходили слухи, что его сделали из древнего трезубца Парацельса. Палочка из ветки гикори, завернутая в красный шелк, лежала поперек хорошо отточенного лезвия.

Реквизиты были тщательно подготовлены, так что сам обряд обещал превзойти все ожидания. Главная участница церемонии, особа двенадцати лет, чья девственность не вызывала сомнений, была приведена сюда старшим братом. Заботливый родственник, узнавший, что в прошлом месяце у нее впервые была менструация, квалифицировавшая ее как женщину, считал невинность сестры ничтожной платой за расположение Майкла, в особенности если учесть,

что цветку ее девственности суждено было увянуть не позже, чем через пару месяцев, на улице, без всякой пользы для брата.

Даже имя девочки отлично подходило для церемонии – Стелла; звезды, космос, все сущее, на что Майкл мечтал наложить лапу.

Стелла, которую хорошенько припугнул брат, – а слухи о его шайке расползались повсюду, как дурной запах, и наводили страх на всех соседских подростков, кроме самых испорченных, – уже была доставлена к Майклу. Ей обещали сюрприз – этого оказалось достаточно. Брат был очень добр к ней в этот день. Когда она поняла, куда попала, было поздно.

Она отчаянно сопротивлялась – царапалась, лягалась, выкрикивала самые грязные ругательства. Этого ожидали, так что бутылочка приправленной успокоительным пепси была наготове. Но Стелла, не глотая, выплюнула жидкость в лицо брату и со смехом вылила остаток себе под ноги. Но Майкл предусмотрел все, сопротивление должен был сломить своевременный подкожный укол.

Легкое тело Стеллы – изящное и гибкое, с едва наметившимися грудями – омыли и умастили; подготовительный ритуал начался, когда ее удалось утихомирить, его выполнила молодая женщина, единственная в шайке Майкла: она уже участвовала в предыдущей успешной церемонии. Кроме того, ни один мужчина не должен был прикасаться к девственнице до момента ее посвящения.

Стелла стояла неподвижно, пока ее худенькое, почти мальчишеское тело раздевали и мыли. Движения ласковых рук, втиравших пахучие мази в ее гладкую кожу, были нежными, манящими, сулящими острое эротическое переживание. Одурманенная, Стелла почувствовала, как теплота этих рук будит отклик в ее теле. Такое приятное возбуждение она еще не испытывала никогда. Она покачивалась под мерными движениями этих опытных рук, ее неосознанные движения подсказали массажистке, что пора сосредоточиться на сосках. Расслабленно потянувшись, Стелла обнаружила, что руки двинулись по ее телу вниз, что они деликатно причесывают почти бесцветный пушок и потирают маленький холмик, о существовании которого она не подозревала. Прислужница усмехнулась своей госпоже, зная, что за огонь разжигает. Стелла будет готова к обряду.

На нее набросили полоски прозрачного белого шелка, скрепленные на плечах, они спустились к полу туникой. Простое одеяние льнуло к обильно умащенному телу, возбужденные соски уверенно и дерзко выступали под тонкой тканью. Плоский живот и округлые бедра подчеркнула лента, завязанная на талии.

Над алтарем горела единственная свеча, и жирный, черный, несообразно густой дым поднимался к потолку от маленького огонька. Стеллу подвели к золотому кругу, в котором нетерпеливо ждал Майкл. Он поклонился девочке, словно утверждая ее статус, и, опустившись на колени, развязал полоску оленьей кожи, приглашая ее внутрь. Стелла качнулась, действие введенного вещества явственно ощущалось в ее отстраненности, полузакрытых глазах, слабой складке губ. За завесой ее полуопущенных ресниц царили лихорадочные грезы. Только жар, пылуший от ее хрупкого тела, давал ключ к догадке, что за страсти в нем бушуют.

Стелла скользнула из объятий прислужницы в руки Майкла. Его сердце дрогнуло. Именно то, что нужно, и даже больше того. Девственница, только что достигшая двенадцати лет, вступившая в свой тринадцатый год. Магическое, совершенное число.

Стелла стояла между Майклом и алтарем, лицом к мраморной верхушке. Майкл придвинулся ближе к женщине-ребенку; когда он поднял руки, полы шафранового бархатного халата разошлись. Он сжал девочку в объятиях и прижал к себе, голая кожа соприкоснулась с промасленным шелком ее туники. Маленькие ноги Стеллы не касались пола, ее удерживали только руки Майкла. Ощущение давления пробудило в ее сознании инстинктивную тревогу.

Майкл продел одну руку у нее под коленями и легко приподнял ее гибкое тело. Стелла казалась невесомой, бесценное сокровище, вознесенное к алтарю. Уложив Стеллу на алтарь,

поправив свечу, горевшую над ее головой, Майкл протянул левую руку к церемониальному кинжалу. Он шагнул назад. Все было готово.

Гармоничное пение оборвалось. После паузы длиной в удар сердца звуки полились снова – теперь каждая тройка затянула свою собственную мелодию. Диссонанс усиливался, наполнял комнату.

Черный дым единственной свечи все сильнее сгушался, вместо того чтобы рассеиваться, и высокий потолок заволочло грозowymi клубами. Внезапно сверху полилось ослепительное сияние, как жидкий огонь, пронзивший черные тучи, каждая пылающая капля была заряжена испепеляющей энергией. Этот раскаленный добела поток обрушился на Стеллу, но расплескался по сторонам в дюйме от ее тела. Огненная лава образовала потрескивающее покрывало, не касающееся ее тела, но повторяющее его форму. Глаза Стеллы расширились, мощное зелье не смогло притупить ее страх перед пульсирующей огненной паутиной.

Глаза Майкла наполнились благодарными слезами. Его выбор одобрен. Стелла будет служить. Огненная паутина рассеялась, рассыпалась на отдельные нити, и он двинулся вперед, расчищая, отбрасывая эти обрывки энергетического поля, окружавшего девочку. Его пальцы сомкнулись на рукояти кинжала.

Девочка, уже вышедшая из оцепенения, была слишком запугана, чтобы шевелиться, и только следила за концом кинжала, приближавшимся к ее незащитному телу.

Поддев хорошо отточенным лезвием шелковую ленту у нее на талии, Майкл перерезал и отбросил тонкий пояс. Он двинул лезвием выше – острое как бритва, оно отразило свет – и перерезал узлы на плечах. Коснувшись ткани прямо над сердцем, он намеренно выдавил одну-единственную каплю крови. Он отшвырнул тунику и кинжал в сторону. Глаза Стеллы опустились на ее обнаженное тело, на красное пятнышко между грудями. От страха она обрела голос и закричала в ужасе и ярости. Шагнув вперед, Майкл стал между ее ногами, схватил ее бедра и потянул к себе. Его отвердевший член скользнул из-под разошедшихся пол халата в бархатную теплоту между ногами Стеллы.

Лицо Майкла исказила хищная гримаса, зубы оскалились, темные глаза мерцали, как обсидиан. Он откинулся назад, и крики смешались, ее – боли, его – наслаждения, как предписано его великими наставниками.

Бри, сидевшая в глубоком мягком кресле, откинула назад голову и резко выдохнула, словно по ней пробежал электрический разряд. Ощущение было таким беглым, едва ощутимым, что она сама не знала – не во сне ли это. Только теперь она почувствовала, до какой степени устала, и позволила себе уплыть в такой желанный сон.

Глубже погружаясь в подушки, она подивилась тяжести своего тела. Даже сознание, что усталость рождена уличным происшествием, а не ночной работой, не умаляло слабости, сковавшей ее тело. И конечно, мысли о матери...

Теперь она парила, воздух казался свежей, пронизанный свежим дыханием ручья. Уличные звуки сменили легкие вздохи ветерка в верхушках деревьев. Погружаясь в грезы, Бри подумала: «Я никогда здесь не была. Что за чудесное место для отдыха».

– Ты была здесь, Бри, – произнес мелодичный голос.

Почувствовав, что она в состоянии повернуть голову, Бри вспомнила мягкое кресло, в котором задремала... нет, она была не в кресле.

– Мама, это ты? Где ты? Я хочу – о нет, мне так нужно увидеться с тобой.

– Конечно, моя дорогая, ведь только мы с тобой – истинные дети своего племени. Но так как ты выбрала путь вне семьи, никто больше не чтит тебя... Смотри на меня. Ищи меня. Тяни к себе вниз.

В отдалении Бри различила богато разукрашенный бархатный халат винного цвета, который ее мать надевала только в исключительно важных случаях. Женщина в халате была слиш-

ком далеко, чтобы ее можно было рассмотреть, но темные выющиеся волосы – хотя и сильно тронутые сединой – могли принадлежать только ее матери. Холодный ветерок коснулся ног Бри, и, глянув вниз, она увидела, что боса и под ногами нет земли.

– Где мы, мама? Я уверена, что никогда здесь не была раньше.

– Я взяла тебя сюда, когда тебе было девять, дитя мое. Мы держались за руки, пока ты не заснула, и я пообещала тебе, что ты побываешь в местах, известных лишь немногим. Мы были здесь, пока ты не проснулась. Как ты могла забыть?

– Я вспоминаю... но это был просто сон, мама. Нет, мне кажется, это был не сон. – С удивлением Бри огляделась. – Это правда! Мы шли по облакам и раздвигали их вот так... – Бри мягко отстранила воображаемое облако.

Туман рассеялся, и она смогла различить белую двойную дверь – дверь вдвое выше ее роста и шире, чем размах ее рук, вырезанную из белоснежного мрамора, с драгоценными камнями, обитую золотом. Протянув руку, Бри робко толкнула дверь, и этого легкого прикосновения оказалось достаточно, чтобы створки разошлись. Бри шагнула вперед и моментально поняла, где находится: в спальне матери. Прислужники окружили узкую кровать, на которой лежала закутанная, одинокая фигура, простыни были подтянуты к самому подбородку – недостаточная защита от холода, охватившего хрупкое тело.

Холодный ужас захлестнул Бри.

– Нет, ты не можешь умереть! – Она сама чувствовала, как хрипло звучит ее голос.

– Мое тело уже мертво. Они узнают об этом через минуту и будут искать в этой комнате избранника. Будь готова, Бри.

Ее голову сжало, холод пронизал ее тело. Глаза закрылись, но она видела все же, как мать протянула обе руки, чтобы обнять ее. Переполненная любовью, Бри открыла навстречу ей свои объятия.

Холод исчез, и жидкий огонь охватил Бри, проник в ее сердце, самое средоточие тела. Резвые язычки пламени испепелили темно-синий халат Бри и расплескались красным и золотым по ее гладкой коже. Пламя лизало и ласкало ее тело, свивалось спиралью, глубоко пронизывая ее, пульсируя все ярче и жарче.

Непереносимое наслаждение охватило Бри. Когда ее руки потянулись обнять источник тепла, Бри обнаружила, что сжимает только халат цвета кларета, принадлежавший матери. Последний всплеск пламени заволок все белым жаром, голос матери пробивался к ней через нарастающий рев огненных волн.

– Это твой халат, моя дорогая. Носи его достойно.

– Не оставляй меня, мама, – прошептала Бри, пытаясь взять под контроль новую силу, пронизывающую каждую ее клетку. – Пожалуйста, не оставляй меня. Знаю, что настало время, но, пожалуйста, побудь со мной еще немножко.

– Ступай. Ступай и дай отдохнуть телу, чтобы дух был здоров и силен. – Ясный голос ее матери начал тускнеть. – Я буду с тобой.

Закрыв инкрустированную драгоценностями дверь в спальню матери, Бри захлопнула для себя целый мир, который всегда отодвигала от себя. То, что пришло к ней, – знание, дар, сила – было теперь частью ее существа. Возвращение домой через время и пространство оказалось простым делом; ее спящее «я» словно погрузилось в теплую ванну.

Тепло, которое дух Бри принес дремлющему телу, успокаивало, убаюкивало. Запахнувшись поглубже в темно-красный бархатный халат, она погрузилась в глубокое, без сновидений беспмятство. Голос матери прозвучал издалека:

– Отдыхай, тебе понадобятся силы. Она будет нуждаться в тебе – очень скоро.

Глава 4

Стол был заставлен посудой с остатками их мексиканского обеда. Джефф запретил суетливому официанту прикасаться к тарелкам, пока они не подчистят последнюю молекулу соуса с моллюсками и не подберут дополнительной порцией тортильи последние кусочки фаджиты. Когда гуакамоле исчез бесследно и с фарфоровой глади соскребли последние мазки йогурта, Джефф выпрямился и посмотрел на Элизу, стряхнувшую крошку с губ.

– Еще одну «Маргариту» на дорожку? – спросил он, подкручивая кончики воображаемых усов.

– Наша дорожка – это четыре квартала, хотя, конечно, предстоят сложные маневры по парковым аллеям. Но если ты решил умаслить меня – молодец. – Элиза вздохнула. – Приглашаешь изголодавшуюся девчонку на ужин, приправленный пряностями, уверенный, что она облопается до кататонического состояния, и подпаиваешь ее... Просто, но срабатывает без промаха.

Сделав удивленную гримаску, Джефф произнес строгим тоном:

– Не знал, что тебя нужно умасливать. Я-то думал, раз уж женился на эдакой штучке, так она твоя на всю жизнь и делай с ней что хочешь.

– Попробуйте, мистер, посмотрим, что выйдет. Я требую взятку. Закажи «Маргариту».

Они заказали напитки. Столик расчистили, и молодые супруги, вполне удовлетворенные обществом друг друга, сидели в блаженном молчании. Надеюсь, что благоприятный момент наступил, Джефф наклонился вперед и взял руку Элизы.

– Дорогая, – начал он нежно. – Прошлой ночью ты упомянула свою сестру. – Чувствуя, как ее рука напряглась под его ладонью, Джефф удержал ее, притянул к лицу, целуя кончики пальцев. – Я просто интересуюсь. Я люблю тебя и, как твой муж, как твой любовник и в особенности как твой друг, хочу узнать о тебе больше.

Напряженное молчание повисло над столиком. Несколько долгих минут Элиза внимательно изучала лицо мужа. Возможно удовлетворенная увиденным или просто созревшая для признания, она заговорила.

– Джефф, это не просто моя сестра – это сестра-близнец. В моей жизни была темная полоса, которую временами – честно говоря, почти всегда – я просто не хочу вспоминать. Ты мой друг, мой самый лучший друг, и надеюсь, что навсегда. Может, потому я и не хотела говорить с тобой о Талии, да я и сама не знаю, о чем именно не хочу говорить... Или почему. Просто кажется, что мое детство и взросление – этого не было, я просто вычитала это в книжках и никогда так не жила сама.

Расслабившись, Джефф улыбнулся и взял вторую руку Элизы.

– Кажется, я понимаю, что ты имеешь в виду. Временами мне кажется, что моя жизнь началась, когда я встретил тебя. Но ты знаешь мою семью, и меня тоже, наверное, знаешь лучше, чем я сам. И мне тоже хочется больше узнать о тебе. На худой конец, теперь мне известно, как зовут твою сестру. Талия. Элиза и Талия. Редкие и красивые имена. Если твоя сестра так же необычна, как и ты, я начинаю понимать, почему ваша мать выбрала вам такие почти волшебные имена.

У Элизы перехватило дыхание, наметившаяся доверительность исчезла.

– Волшебство тут ни при чем. Это семейные имена. Наша бабушка была Элиза Марги, а прабабушка – Талия Дора.

– Смахивает на настоящий матриархат, надо сказать, – поддразнил ее Джефф. – А братья у вас были?

– Нет. – Тень упала на лицо Элизы. – Но я думала, тебя интересует моя сестра.

– Меня интересуешь ты, милая, и именно по этой причине я интересуюсь всем, что имеет отношение к тебе. Иметь близнеца – это необычно. Я просто удивлен, что мне об этом не говорили.

– Я не знаю, где теперь Талия. Она может быть где угодно – в Новой Каледонии, в Сибири, в соседнем городке. Хотя, думаю, я бы знала, появившись она поблизости. – В ее голос вкралась неуверенная нотка. – По крайней мере, надеюсь, что знала бы.

– Конечно, знала бы, – уверенно произнес Джефф, позабавленный тем, как приоткрывается завеса тайны, которой окружено прошлое его жены. – Уверен, вы бы связались. Близнецы, даже если ссорятся, очень близки.

– Мы были очень близки.

Принесли коктейли, и, радуясь передышке, Элиза сделала глубокий глоток жгучей ледяной жидкости, прежде чем продолжить.

– Ближе, чем говорится во всех классических научных трудах. Мы жили одни, с мамой, у нас не было никаких друзей. Только мы. Все, что девочка обычно переживает в обществе сверстников, мы делили между собой. Временами мы друг друга просто не переносили, даже не могли быть в одной комнате. Но, что еще хуже, быть порознь мы тоже не могли.

К удивлению Джеффа, Элиза заговорила монотонно, словно читая лекцию. Тепло и юмор исчезли из ее голоса, появилась странная отстраненная созерцательность.

– Если две взрослеющие девочки живут так замкнуто, в их поведении неизбежно появляется сходство. Кузен Дарвина Фрэнсис Гэлтон первым заинтересовался близнецами. Он установил, что над судьбой близнецов довлеет своего рода предопределение, одновременно и врожденное, и приобретенное. Даже если близнецы воспитываются порознь, в борьбе между природой и воспитанием побеждает природа. Мы с Талией разделили все: и природное сходство, и общее воспитание. Мы все делали вместе: вместе играли, вместе учились, даже спали на одной и той же двойной кровати. Я... – На мгновение ее голос снова потеплел. – Я часто вспоминаю эту близость, по крайней мере до того времени, когда мы были в старших классах. – Элиза вернулась к сухому, повествовательному тону, словно спохватилась, что едва не выпустила важный раздел своей лекции: – У Талии менструации начались у первой, у меня – через месяц. И все же... – голос Элизы снова дрогнул, – я всегда чувствовала ее боль, и как у нее течет кровь, тоже.

– Элиза, в чем дело? Ты говоришь, как робот, а не живой человек.

– Временами единственный способ разобраться в личных проблемах – это проявить клиническую объективность к предмету.

– Но мы обсуждаем не лабораторный опыт. Мы говорим о тебе – и твоей сестре.

Элиза смотрела на мужа, не решаясь – или не желая – сломить лед между ними.

Джефф подметил ее колебания и немного надавил, стараясь проникнуть глубже, вытеснить, изгнать беса, отравляющего жизнь его жены, – голыми руками, если сумеет.

– Выходит, вы с сестрой глубоко сопереживали друг другу. Как доктор, Элиза, ты должна знать, что это распространенное явление у девочек, в особенности – девочек-подростков. Это не просто нормально – я бы сказал, это предсказуемо, в особенности в таких обстоятельствах.

Элиза встретила его взгляд своим, ясным и твердым.

– Ты прав. Эту область я специально изучала в медицинской школе. Вот почему я говорю, как робот. – Улыбка тронула уголки ее губ. – Узы между близнецами теснее, чем между просто сестрами, но иногда подружки-подростки имеют почти телепатическую связь. Это обычно кончается или обрывается ко времени, когда одна или обе девочки переносят свои чувства и мысли на мальчиков.

– Так оно и было с вами? Ты начала встречаться с мальчишкой, и с первым поцелуем связь прервалась?

Короткая улыбка пробежала по губам Элизы.

– Почти в точку. Нам наконец разрешили пойти в школу. Раньше церковные старейшины учили нас дома, и мы хорошо успевали – как выяснилось, очень хорошо. Они были хорошими учителями, и, как я предполагаю, учеба без раздражителей, то есть сверстников, может быть весьма успешной. У нас не было проблем с поступлением в старшую школу. Мы обе прошли тесты без труда.

Единственной настоящей проблемой была наша близость. В первый школьный год мы были неразлучны. Мы вместе ходили в школу, вместе сидели на уроках, вместе ели, учили задания и, конечно, вместе возвращались домой. Мы почти никогда не разговаривали с одноклассниками.

Потом с нами заговорил один парень, когда мы занимались в библиотеке. Талия особенно ловко управлялась со словами, у нее это выходило отлично. Она писала короткий рассказ по английскому, а я уткнула нос в учебник по биологии. Парня звали Джейсон. Думаю, он сам не знал, с кем из двоих хочет поболтать, поэтому сел лицом к нам, посерединке. Он был высокий, даже долговзый, с копной белокурых волос и необычными глазами, темно-синими, яркими и блестящими. Когда он смотрел на человека, сразу ясно было, какой он славный искренний парень. Его душа отражалась на лице. Он мне сразу понравился. Талия бросила на него один взгляд – и я почувствовала, что для нее это настоящее потрясение. Это был почти что последний случай, когда я чувствовала, о чем она думает.

– Должен сказать, это совершенно нормально. В самом деле, не вижу в этом ничего странного. Твоя сестра положила глаз на мальчишку – как я понял, первый раз в жизни – и оставила тебя с носом. Хотя, конечно, не могу представить себе, как это он не сообразил, с кем ему заговорить... Не важно, как выглядит Талия, все равно она не могла быть такой ослепительной, как ты.

– Распространенная история, правда? Хотя мы с Талией родились совершенно одинаковыми, со временем мы начали отличаться. Мы проводили одинаковое количество времени на воздухе, но я загорала, а ее кожа оставалась бледной. Мои волосы выгорали добела под солнцем, а ее, казалось, только темнели. И я всегда весила на несколько фунтов больше. Ко времени поступления в старшую школу, я думаю, никто не принимал нас за близнецов. Мы были просто сестры, вот и все.

– Почему вы не поддерживали связь? Талия, наверное, выскочила за своего парня и нарожала полный дом ребятишек? Ты говоришь, что понятия не имеешь, где она, – но, вероятно, какие-то догадки у тебя есть, и тетя должна знать.

– Она не выскочила за Джейсона. Не захотела, хотя он предлагал ей перед выпуском. Он беспрерывно преследовал ее, всюду ходил за ней, пока она не разозлилась и... Ну, это уже не важно. Джейсон ни на ком не женился. Наша мама умерла, когда мы заканчивали школу. Я стала жить с тетей Филис. И не знаю, куда отправилась Талия. У нас была... э... размолвка из-за Джейсона. И мама умерла, это было хуже всего... – Дрожь пробежала по телу Элизы до самых кончиков пальцев, которые сжимал Джефф.

– Милая, сестры всегда соперничают. Всегда и всюду. Вы были бы каким-то отклонением от нормы, если бы не ссорились в школьные годы. – Успокаивающий тон Джеффа вызвал улыбку на расстроенном лице Элизы.

– Я все понимаю – умом. Просто... Ну, это все уже «серые зоны», как я тебе говорила. Когда мы с Талией учились в старшей школе, я впервые ощутила себя личностью. Особенно после того, как она открыла для себя Джейсона. Они стали так же неразлучны, как были мы в прошлом. Самое любопытное, мне все это оказалось на руку, в особенности когда я почувствовала, что наконец свободна. Я могла ходить одна домой и видеть мир вокруг себя. Было так чудесно просто смотреть, чувствовать хотя бы смену времен года. Иногда мне хотелось с кем-нибудь поделиться своей радостью, но я сразу же вспоминала, что, будь Талия со мной, я бы не испытывала такого мирного блаженства.

– Ты говоришь так, словно Талия совсем подмяла тебя под себя. Могу представить себе такое – но только не с тобой. Ты слишком сильная личность, слишком цельная, чтобы кто-нибудь мог действовать на тебя так угнетающе.

– Я правда не могу это объяснить. До этого – до старшей школы – когда мы жили с мамой, все было как-то... туманно. Я могу вспомнить, как выглядел дом, и окрестные леса тоже. И даже места, где мы гуляли. Одна тропинка вела к маленькому ручейку, другая... ну, в одно место, где мы обычно играли. Я будто смотрю в зеркало, но вижу в нем не себя, а Талию. Как если б меня на самом деле там не было, будто я ей просто приснилась. У меня есть карточка, фотография, сделанная, когда нам было примерно по одиннадцать лет. Я не только не помню, как нас снимали, я не помню даже платья, которые на нас, и место, и время...

Изымающий от нетерпения официант вернулся за кофейными чашками. Исчезающая посуда от десерта, съеденного давно, вернула Джеффа к реальности.

– Закажем еще что-нибудь перед тем, как они попытаются получить с нас деньги?

– Мы и так засиделись. Почти три часа – уже больше одиннадцати. Если двинуть сейчас, пока мы еще минимально дееспособны, может, нам удастся дотащиться до дому. День выдался долгий, и я мечтаю о теплой ванне и мягкой постели.

– Проклятье. Я забыл включить горелку, когда вода в бойлере кончилась. – Лицо Джеффа выражало раскаяние – лицо со следами того же тяжелого дня. – Может, тебя устроит просто мягкая постель?

– Если ты согреешь ее для меня. Тебе стоит позаимствовать отсюда стиль обслуживания. – Заразительный смех Элизы заставил другую засидевшуюся парочку оглянуться с улыбкой.

– Твое желание для меня закон. Итак, короткая перебежка домой и короткий рывок к постели. – Стремительно двинувшись к стулу Элизы, Джефф произнес, когда она встала: – И если я могу еще чем-то услужить, миледи достаточно дать мне знать.

– Миледи непременно даст тебе знать.

Джефф улыбнулся жене с беспредельной любовью, чувствуя, что теперь знает ее лучше. Он вспоминал их прогулки вдвоем по пляжу, рыбалку на берегу горного ручья – их удочки все время безнадежно перепутывались леской. Когда они бывали вдвоем, мир вокруг наполняли покой и гармония, всегда и всюду, и они почти никогда не говорили ни о чем не имеющем к ним отношения в данный момент. Они оба знали почти с самого начала, что их будущее – общее, и необходимость планировать жизнь подробно – или вспоминать прошлое – не возникала никогда. Элиза понятия не имела, что Джефф из богатой семьи, пока они не закончили медицинскую школу и не поехали к нему домой, на Лонг-Айленд. Сначала она была ошеломлена, но быстро освоилась, к тому же она уже познакомилась с доктором Воном в клинике студенческого кампуса, так что ей оставалось только продолжать очаровывать старшего Вона.

Джефф неустанно возносил благодарственные молитвы богам, распорядившимся, чтобы отец пригласил его на ланч в тот знаменательный день, когда он столкнулся с Элизой, выходящей из клиники.

Джефф и Элиза одновременно сгребли свои куртки и шарфы с крючков у задней стены и пробормотали слова признательности повару. Вскоре они уже пересекали парк. Как всегда, молчание не было для них тягостным; и все же, сворачивая к своему кварталу, Элиза остановилась и положила руку на локоть Джеффа.

– Джефф, сегодня вечером, когда мы разговаривали, произошло нечто важное. Ты просто пошутил – а я поняла, что никогда не придавала значения одному серьезному обстоятельству... Ты назвал мою семью образцом матриархата. Так оно и есть. Нас было две сестры – никаких братьев. Наш отец бросил семью, когда мы родились – по крайней мере, так сказала мать. Она сказала, что он «отрекся» от нас, но никогда не объясняла, что это значит. Наша бабушка умерла, когда мы родились, а других родственников у нас нет. Тетя Филис не кровная

родственница, просто богатая – по меркам наших краев – женщина, член церковного совета. Филис говорила мне, что моя мать, бабушка, прабабушка, если только не все предки по материнской линии – были единственными в своем поколении. Знаешь ли ты – нет, конечно, откуда тебе знать? – что Кроуфорд – фамилия моей матери? Я даже имени своего отца не знаю.

Джефф чмокнул Элизу в кончик носа – жест, которым он успокаивал жену, когда ей случалось разволноваться из-за чепухи.

– Почему бы тебе не взглянуть на твое свидетельство о рождении?

– А ты знаешь – нет, конечно, не знаешь – у меня его нет. – Элиза сконфуженно улыбнулась. – Эти горцы достаточно небрежны по части канцелярии... Тетя Филис вела учет всем новорожденным и покойникам своей конгрегации на обложке старой Библии, и нас с Талией она внесла в свой список. Так мы с тобой получили разрешение на брак – Филис выписала свидетельство на основании записи в своей Библии. Это не редкость в тех краях, где я росла.

– Но в ее Библии должно значиться и имя твоего отца. – Вопрос выдавал упорядоченный склад его ума.

– Нет, Джефф. В ее списке только женщины моей семьи.

Джефф выглядел растерянным.

– Это странное совпадение, но, Элиза, как доктор, ты знаешь, что все поколения одной семьи не могут иметь отпрысков исключительно одного пола. Бывает, мальчики рождаются, но умирают в младенчестве. Или, к примеру, несчастные случаи... Ты сама признаешь, что делопроизводство в лесах Кентукки не отличается точностью.

– Я ничего не говорила о точности, Джефф; я просто сказала, что записи ведутся неофициально. Мы жили в нескольких милях от ближайшей больницы, и, конечно, большинство женщин предпочитало рожать дома.

Прижимая к себе Элизу, Джефф чувствовал ее смятение.

– Ну, значит, мы обязаны произвести на свет целую футбольную команду, чтобы сбалансировать твое генеалогическое древо.

– Надеюсь, Джефф. Очень надеюсь. Этого мне хотелось бы больше всего на свете. И еще мне хочется, чтобы у всех наших мальчишек были твои глаза, твой нос, твой рот и твой подбородок...

– Хватит! – Джефф, смеясь, остановился перед лестницей в дом. – Мне придется внести тебя наверх?

Освобождаясь от мрачных размышлений, Элиза помотала головой:

– Ну нет, я не собираюсь переживать из-за смещения диска или чего-нибудь еще более существенного у такого юного и плодородного мужа. Кстати, вспомнила. Я подумываю о дополнении в виде «миссис и мистер» к объявлению на нашей двери. Не только ради того, чтобы пресечь сплетни. Просто пора ломать мои семейные традиции – хоть по кусочку.

– С утра первым делом исправлю табличку. И позволь мне сказать вот что. Привыкай к новой фамилии, потому что тебе придется носить ее чертовски долго.

Направленная лампа струила жаркие лучи на ворох исписанных листков, покрывавших каждый дюйм письменного стола в углу. В остальном лаборатория клеточных культур была освещена не так уж ярко, если не считать ультрафиолетовый излучатель автордиографа.

– Вы оправдываете свою репутацию, доктор Блейзер, – произнес Фрэнк Джордан прямо за спиной поглощенного работой ученого.

Билл Блейзер замер; его рука, сжимавшая сосуд с раствором ДНК, дернулась; стеклянная колба полетела на пол.

– Проклятье, почему бы вам не постучаться, как всем простым смертным? – Билл Блейзер взял картонную коробку и начал энергично посыпать разноцветным абсорбентом осколки,

отмечая пятно для уборщиков. – Или умение подкрадываться, как змея, часть вашего секретного правительственного тренинга?

– Я просто обходил здание и удивился, заметив свет, – кротко ответил Джордан, отступив на шаг от следов содеянного, – а потом вспомнил, что вы собирались задержаться. Я не хотел тревожить вас. – Он опустил глаза на свои мокрые туфли, и его лицо приняло озабоченное выражение. – Этот образец не содержал ничего опасного, надеюсь?

Блейзер носком туфли собрал в кучку осколки стекла.

– Ну, это был образец ВИЧ. Боюсь, мне придется возвратиться к старушке центрифуге и взять еще.

– ВИЧ? О боги, только не это! – Джордан окаменел, расширенными от ужаса глазами вглядываясь в пятно на туфлях. – Как это вы постоянно возитесь с вирусом СПИДа – это выше моего понимания... Проклятье! На вас ни маски, ни перчаток! Это вовсе не ВИЧ, не так ли? – Джордан все же решил для безопасности отойти подальше. – Что же это за работа, – не могла подождать до утра?

Билл Блейзер ткнул в сторону освещенного экрана. Вертикальные столбцы разной ширины стояли рядами, три группы по два ряда в каждой.

– Карта судьбы. Каждая из групп соответствует отдельной личной ДНК, главным образом ядерной, – Блейзер указал на левый ряд, – с такими же индивидуальными ДНК митохондрий. Как вы можете видеть на обеих законченных парах, сходство налицо – за исключением звеньев в южной части и дополнительного фактора в каждой карте МтДНК. Я как раз собирался дополнить трио, когда вы так бесцеромонно ворвались...

Джордан внимательно изучал фрагменты.

– Любопытно. Я думал, структура ДНК постоянна – для одного индивидуума.

– Ядерная – да, – ответил Блейзер, потеплев в роли наставника, – но не в митохондриях, обнаруженных только в цитоплазме и наследуемых исключительно от матери. Вот это мать, – Блейзер указал на первую группу в правой колонке, – а это, – он указал на соответствующую колонку в следующей группе, – дочь. Две карты так похожи, что на первый взгляд кажутся идентичными, но есть и отличия. – Билл Блейзер в упор посмотрел на Фрэнка Джордана, его энтузиазм популяризатора угас при воспоминании об утреннем инциденте. – Это наши исследования и наши открытия, мистер Джордан. Вроде тех, которые вы крадете у нас, чтобы преподнести команде второсортных исследователей.

– Это очень серьезное обвинение, доктор Блейзер. Если вы внимательно перечитаете ваш контракт...

– Бросьте. Это я уже слышал. По существу дела это ничего не меняет.

Джордан поджал губы и покачал головой, выражая неодобрение такому упрямству.

– Вы не разбираетесь в практических аспектах, доктор Блейзер.

– Ох, избавьте. На данный момент единственный практический аспект, который мне понятен, – это что нужно отмыться, сменить пострадавший халат и взять свежий образец в ультрацентрифуге. Вы уничтожили последний из готовых. Теперь, благодаря вам, мне придется ждать еще два часа, чтобы выделить МтДНК.

Стаскивая на ходу мокрый халат, Блейзер толкнул дверь, помедлил и обернулся:

– Кроме того, я настаиваю, чтобы вас тут не было, когда я вернусь. Вы сегодня дважды сделали из меня мартышку. Можете себе представить, как я с вами поступлю при третьей попытке.

Джордан коротко кивнул и последовал за ученым. Он взялся за дверь-вертушку, остановив вращение, и оглянулся на ряд центрифуг, выстроившихся вдоль дальней стены. Единственная ультрацентрифуга стояла открытая, красный огонек индикатора указывал на готовность к работе. Прикинув, сколько времени потребуется ученому, чтобы привести в порядок свой туалет, Джордан подскочил к большой установке. Вглядываясь в зев ультрацентрифуги,

одетой четырехдюймовой сталью, он взялся за тщательно отрегулированные титановые лопасти ротора.

– Говорят, Бог троицу любит, доктор Блейзер.

Билл Блейзер, отмытый и переодевшийся, стоял у двери в лабораторию клеточных культур, вглядываясь в армированное стекло. Комната была пуста – никакого Фрэнка Джордана, способного сорвать эксперимент. Блейзер открыл свой личный инкубатор и достал закрытую чашку Петри с подноса, отлил немного культуры в свежую пробирку и вернул остальное на место.

Этот отдельный образец реплицировался многократно в течение последних месяцев – гораздо больше, чем думали в их конторе. Неизвестная женщина, которую он воплощал, была жива – здесь, в закрытой колбе, в инкубаторе. Она жива, подумал Блейзер, и у него дома, в его личной маленькой лаборатории. Возможно, она жива и в настоящем мире. Он очень на это надеялся, поскольку никогда раньше не встречался с таким разнообразием отпечатков МтДНК, собственно, даже не верил, что такое возможно. Он считал своим долгом открыть тайну этого фактора. Размножать и реплицировать, день за днем. Но теперь ему придется торопиться. Время подгоняет.

Он пересек комнату и поставил колбу в ультрацентрифугу, проверил баланс ротора с точностью до десятой грамма и включил на 80 000 оборотов в минуту. Хитрая мальчишеская ухмылка расцвела на его лице: он солгал насчет того, что процесс потребует два часа. На самом деле на это нужно всего несколько минут – можно постоять на одной ножке, пока все будет готово. Щелкнув клавишей ON, Блейзер и впрямь подпрыгнул на одной ноге, все с той же лукавой улыбкой, представляя себе, как будут выглядеть звенья МтДНК и как они впишутся в его прежние наблюдения.

Прозвучал приглушенный зуммер, доктор Блейзер повернулся и пошел к телефону. Под нарастающий рокот вдогонку полетела ударная волна, накрывшая его на полпути к столу. Удар впечатал его в пол лицом вниз. Острая боль сжала левое запястье – прямое попадание какого-то предмета, летевшего с безумной скоростью. Лежа на полу, Билл Блейзер инстинктивно накрыл руками голову – этот рефлекс уцелел в нем с молодости, из эпохи маршей мира, – а сверху на него сыпался дождь из осколков стекла и металла.

Через целую вечность – минутой позже – все стихло. Блейзер осторожно приподнял голову и огляделся. Обломки оборудования грудой валялись на полу, сломанные, перекрученные. Неисправная ультрацентрифуга – отвратительное с виду устройство, смахивающее на устаревшую стиральную машину, на самом деле – образец высочайшей технологии, – стояла с открытой дверцей. Толстая резиновая обивка дверцы, обеспечивавшая вакуум, свисала лохмотьями, один из которых угодил ему в левую руку. В армированной стали четырехдюймовой толщины вырос уродливый горб.

Подойдя ближе к центрифуге, чтобы разомкнуть электрический контур, Билл Блейзер изумленно ахнул. В крышке люка, запертой и вырванной взрывом, зияла дыра размером с кулак – как раз напротив того места, где он стоял несколько минут назад. Блейзер заглянул через отверстие внутрь: перекрученная связка лопастей походила на искореженные спицы зонтика; одной из них не хватало. Он взглядом проследил траекторию вылетевшего через дыру стального лезвия и обнаружил его воткнувшимся в противоположную стену.

Перед выходом Блейзер позвонил координатору безопасности. Пусть рискнет объяснить это несбалансированностью осей или искривлением ротора. Достойный конец долгого дня.

Глава 5

Нед Харпер стоял перед старинным наклонным зеркалом, в третий раз пытаясь завязать галстук как положено. Наконец серо-голубой рисунок галстука разместился удовлетворительно, и, зная отлично, что прочие подробности его туалета – острые складки брюк, великолепно отглаженная сорочка и ослепительно начищенные ботинки – близки к совершенству, он осмотрел себя еще раз, в порядке общей инспекции. Шесть фунтов роста; степень упитанности в разумных пределах, да и не грех мужчине сорока пяти лет иметь пару лишних унций веса, ладно, пусть фунтов, а не унций; слегка седеющие виски. Мягкая усмешка изогнула уголок его рта, когда он причесывался. Как гласит основополагающее правило хорошего тона, «седые виски для натуральности, но остальные волосы – густые и темные». Как удачно, что об этом позаботилась природа, а не дорогой парикмахер.

Многое обернулось удачно для Неда Харпера в последние годы. После десяти лет унылого высиживания в сенате в качестве представителя общины Лонг-Айленда – бесплодных лет, как он сам считал, – его имя вдруг передвинулось ближе к началу партийного списка. Как председатель комиссии по размещению радиоактивных отходов – эту должность заставила его принять жена – он написал ядовитый отчет, который не только произвел фурор в штате, но лег в основу важной законодательной инициативы, вскоре изданной и принятой. Его имя и лицо угодили под лучи рампы, а через некоторое время, примерно лет через шесть, ему захотелось бросить свой пост, бросить Лонг-Айленд, так как в перспективе замаячила более соблазнительная вакансия в сенате Соединенных Штатов. Оставив, в свою очередь, прежний пост вакантным, он благоразумно принял совет своего тестя обосноваться в большом городе; они с женой оставили за собой дом на острове, но главную резиденцию обустроили в Манхэттене. Дела пошли в гору. Его речи были замечены... и оценены; его появление в любой роли означало, что это событие получит хорошую прессу и телевидение. Определенно, его звезда была в зените.

Сегодняшний выход в свет сразу же после объявления об участии в гонке за губернаторское кресло должен был стать первым шагом на пути в Белый дом. На него пал выбор партии, никто и ничто не стояло на его пути. Даже нынешний губернатор мирно уходил в отставку. Согласившись без борьбы оставить свое место, он фактически дал Неду зеленый свет.

Кроме того, была еще его жена, Холли. Всегда она тут как тут – его жена Холли. Не всегда понимая, была ли она поддержкой – с ее неумными аппетитами – или же помехой – по той же причине, – Нед не видел смысла сосредоточивать свои мысли на этом утомительном предмете. Так было не всегда. Холли заметила его в юридической школе и выскочила за него через две недели после выпускных экзаменов и за неделю до того, как Неда приняли в известную юридическую фирму на Уолл-стрит. Он стал самым молодым и при этом высокооплачиваемым сотрудником в истории фирмы. Ворох сплетен привязывал Холли и ее могущественного отца к этому назначению, но дареному коню в зубы не смотрят, так что Нед с завидным самообладанием игнорировал как потаенные домыслы, так и открытые выпады.

Нед прекрасно понимал, что сказать: «Холли заметила» – просто вежливый оборот речи. Если так сказать, то предполагается, что он был единственным, на ком остановились ее глаза, или что она почувствовала немедленное и неудержимое влечение к юному Неду. На самом деле Нед Харпер был всего лишь одним из полудюжины повес-студентов, между которыми Холли Варлей делила свое свободное время, выжидая и присматриваясь, кого в какую сторону поведет. Больше половины имен были вычеркнуты из ее списка мишеней, когда выяснилось, что они собираются начинать свою карьеру с юридической консультации для неимущих или другой такой же альтруистической организации. Нед временами, и только временами,

осознавал, что тоже мог пойти по этому пути, потеряв попусту столько лет. Как бы то ни было, сделка оказалась честной.

Первые десять лет в фирме «Варлей, Томас и Каммингс» оказались весьма сносными благодаря неуклонно повышающемуся жалованью и общественному положению. Изматывающие двенадцатичасовые рабочие дни и трехчасовые поездки на работу и обратно были, по сути, благом; они избавляли его от необходимости выслушивать бесконечную болтовню жены или раскланиваться с ее бесчисленными друзьями и знакомыми. Холли взяла на себя заботу об их общественном положении, что было принято Недом с исключительным одобрением, и теперь от него требовалось только присутствие на одном-двух особенно важных мероприятиях, по ее выбору. Их дом на северном побережье Лонг-Айленда был образцово-показательным, и обширный круг светских знакомых Холли быстро заполнил пробелы супружеской близости.

Следующие десять лет доказали, что профессиональная жизнь прогрессирует тем быстрее, чем ближе к вершине. На протяжении этого периода присутствие Неда на службе было желательным, но не обязательным, а его появления в суде – от случая к случаю – только добавляли лоска и без того тщательно отлакированному облику. Все сложилось исключительно благоприятно для роста его – или Холли? – политических амбиций.

Повернувшись к шезлонгу, в котором раскинулась Холли, декоративно, словно позируя фотографу, приглашенному запечатлеть ее хорошо продуманный быт, Нед расправил плечи и втянул наметившийся животик.

– Ну, готово. Как я тебе?

– Галстук абсолютно не подходит к костюму, – отметила Холли, стрельнув одним глазом из-под гривы замороженно-белокурых волос, и вернулась к требовательной инспекции цвета и формы каждого ноготка.

– Холли, любовь моя, ты наблюдала, как я сражаюсь с этим галстуком последние тридцать минут. Почему раньше ничего не сказала? Может, ты думала, он поменяет окраску, когда я его наконец повяжу?

– Милый, я не обращала внимания, пока ты не позвал меня. Разреши мне выбрать самой.

Вставая с заученной грацией, чтобы сделать выбор, равнозначный королевскому указу, Холли расправила юбку одного из бесчисленных туалетов от прославленных дизайнеров. Она двигалась осторожно, чтобы не испортить великолепный маникюр. Шкаф Неда отражал продуманную организацию домоводства в семействе Харпер, каждое отделение было укомплектовано соответствующими предметами туалета, подходящими по цвету и тону. Потянувшись к дальней стенке, Холли уверенно подцепила галстук с абстрактным рисунком, наверно единственный в гардеробе Неда, гармонизировавший одновременно и с дымчато-серым костюмом, и с его ярко-голубыми глазами.

– Попробуй этот, милый. Думаю, будет немножечко лучше. – Уголки ее губ изогнулись в самодовольной усмешке. – Внешность – это все, не так ли?

Внешность для Холли была святее святого. Имидж – незыблемый символ статуса, и относиться к нему легкомысленно – настоящее преступление. Переезд в центр после жизни в загородном поместье она расценивала как свою последнюю уступку обществу. Их новый дом был исторической достопримечательностью. Он стоял на обрамленной деревьями улице, но вид на реку, к огорчению Холли, открывался только из окон спальни. Главная гостиная выходила на крыши соседних домов, и, если отбросить тот факт, что Нед находил этот вид очаровательным – словно прикосновение Парижа, говорил он, – она считала это ужасающе унылым; несколько мимоз не могли заменить раскинувшиеся акры ухоженной зелени. Ей было тесно в переполненных восьми комнатах на двух этажах, хотя это были без исключения просторные комнаты, а незаконченный третий этаж был просто форменной занозой в сердце. Но, естественно, когда дом показывали друзьям, комментарий Холли звучал так: «Здесь столько комнат, что мы просто не в состоянии придумать, что с ними делать».

После того как она открыла для себя, что все ее светские друзья считают дом в центре не просто хорошей мыслью, но и необходимостью, ее тщательно контролируемый гнев улегся. Она приняла необходимость переезда, хотя сердце ее принадлежало Пятой и Парк-авеню, и ее энергия в возвращении первозданности шедевр конца века из коричневого песчаника не знала границ. Со временем третий этаж должен был стать комнатами гостей, в особенности когда ей удалось благополучно миновать опасные с точки зрения деторождения годы.

Холли была в расцвете – физическом, эмоциональном и общественном. Довольно широко – за спиной у Неда – обсуждалось, что быть объектом такого неограниченного доверия для Неда не особенно лестно. Но маневры Холли, предпринимаемые во имя политической карьеры мужа, также были широко известны и вызвали горячее одобрение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.